

— Вы увидите сами, великій король, — сказалъ мирза: — мы не пойдёмъ на васъ. Ханъ знаетъ, что васъ ведетъ сюда Божія рука, что вы сильнѣйшій волшебникъ, чѣмъ мы. Онъ не хочетъ бороться и напрасно проливать кровь. Я пришелъ со словами мира и покоя. Я такой же посолъ, какимъ былъ уже разъ, помните?

Король на минуту задумался, потомъ сказалъ:

— Сдѣлайте такъ, какъ вы обѣщали, и ваши братья будутъ у насъ, какъ въ родительскомъ домѣ; я дамъ имъ привилегіи и льготы... Ты не уйдешь отъ меня безъ дара.

Король взялъ изъ сундука, который стоялъ въ шатрѣ, кошелекъ съ золотомъ и собственноручно отдалъ татарину, говоря:

— Это знакъ того, что и я посылаю васъ къ хану со словами мира и покоя. Вотъ этотъ человекъ проведетъ васъ, — прибавилъ онъ, указавъ на меня.

Татаринъ поклонился.

— Не нужно, — сказалъ онъ: — я нашелъ сюда дорогу среди вашего лагеря, пройду и назадъ, несмотря на ночь. Да благословить Богъ всѣхъ добрыхъ людей!

Сказавши это, онъ еще разъ поклонился и вышелъ.

Я стоялъ, какъ окаменѣлый. Король сдѣлалъ мнѣ знакъ, чтобы я проводилъ его. Я пошелъ за нимъ въ слѣдъ, но онъ у самага шатра исчезъ въ темнотѣ, какъ въ пропасти, и я больше не видѣлъ его. Тогда я вернулся къ королю. Онъ уже молился передъ образомъ Божіей Матери. Минуту спустя, онъ всталъ съ веселымъ лицомъ.

— Молчи же у меня, — сказалъ онъ тихо: — не вѣрю я этимъ татарскимъ обѣщаніямъ, но отказать ему было нельзя. Если есть кто, чтобы смѣнить тебя, пойдѣ, отдохни, завтра будетъ тяжелая и длинная работа, а ты и такъ усталъ.

Я ушелъ, только не спать, потому что спать мнѣ совсѣмъ не хотѣлось. Въ полдень я немного отдохнулъ и могъ теперь всю ночь провести безъ сна, какъ я положилъ себѣ. Я пошелъ къ своимъ туда, гдѣ были придворные, но тамъ почти всѣ спали. Нѣсколько отчаянныхъ еще играли въ кости, другіе разговаривали о разныхъ походахъ на турокъ и о томъ, какъ съ ними справляться.

Какъ только я показался, меня встрѣтилъ панъ Григорій Шамовскій, схватилъ меня за рукавъ и воскликнулъ:

— Хорошо, что я тебя поймалъ, мнѣ тебя нужно, иди со мною.

Мы, молча, пошли къ кострамъ. Вдругъ я увидѣлъ Налыпча, который сидѣлъ съ кубкомъ въ рукахъ. Я хотѣлъ уйти, но Шамовскій удержалъ меня.

— Завтра, — сказалъ онъ: — будетъ игра на жизнь и на смерть, не одному изъ насъ придется сложить свою голову. Не хорошо идти на судъ Божій, не примирившись съ врагами. Вы съ Налычемъ должны подать другъ другу руки. Иначе нельзя.

— Я не ссорился и не хочу мириться, — сказалъ я. — Много я перенесъ отъ него и терплю молча. Вы не можете требовать отъ меня большей покорности.

— Онъ самъ первый подастъ тебѣ руку и помирится съ тобою, — сказалъ Шамовскій, — только ни слова о паниѣ.

Едва онъ сказалъ это, вижу, идетъ ко мнѣ панъ хорунжій съ паномъ Флоріаномъ и кричить издали:

— Панъ Мрочекъ, будетъ намъ ссориться! Завтра, можетъ быть, одинъ изъ насъ увидитъ Святую Троицу: вѣдь пули летаютъ во время битвы, не разбирая дороги. Подадимъ же другъ другу руки по-дворянски и по-братски и отложимъ споръ на болѣе спокойныя времена.

Онъ протянулъ мнѣ руку и я не могъ отказать ему въ своей.

— Выпьемъ на миръ!

— Только не изъ большого кубка, — сказалъ я.

Они засмѣялись. Панъ Флоріанъ досталъ серебряный кубокъ, который онъ всегда носилъ съ собою, и мы выпили. Послѣ этого я съ облегченнымъ сердцемъ пошелъ къ королевскому шатру. Скоро начало свѣтать. Лагерь, который немного затихъ передъ утромъ, сталъ просыпаться и приходитъ въ движеніе.

Я не знаю, спалъ ли король въ эту ночь. Утромъ былъ опять военный совѣтъ, явились государи и вожди, а такъ какъ по тѣмъ картамъ, которые присылались прежде, король составилъ себѣ невѣрное понятіе о мѣстности, то пришлось измѣнять весь боевой порядокъ и весь планъ компаніи. Такъ какъ спускъ съ Калемберга между виноградниками и оврагами былъ гораздо труднѣе, чѣмъ мы думали сначала, склонъ гораздо

бруче, чѣмъ намъ говорили, а дорога представляла множество препятствій, то король рѣшилъ, что въ продолженіе трехъ дней войско будетъ подходить къ главной турецкой арміи, а только на третій день можно дать рѣшительное сраженіе. Онъ обозначилъ на картѣ тѣ мѣста, до которыхъ слѣдовало доходить каждый день. Такъ рѣшили люди, но Богъ устроилъ все это лучше.

По прежней мысли короля мы должны были цѣлыми полками врываться въ ряды непріятеля, теперь же рѣшено было уничтожать ихъ небольшими частями, брать посты, выбивать ихъ изъ позицій.

Почти все наше войско, исключая мальтійскаго рыцаря Любомірскаго, занимало правое крыло, огибая издали большимъ полукружіемъ все поле, чтобы защищаться сбоку отъ нападенія татаръ, такъ какъ король нисколько не довѣрялъ ихъ обѣщаніямъ. Герцога Лотарингскій сталъ съ противоположной стороны, отъ лѣваго крыла къ Дунаю, занимая гору Калембергъ и прилежащіе холмы; находясь ближе всего къ непріятелю, онъ долженъ былъ первый напасть на него. Курфюрстъ Саксонскій былъ направо отъ герцога Лотарингскаго, Баварскій рядомъ съ нимъ, тоже направо, всѣ государи были близко другъ отъ друга, находясь во главѣ своихъ войскъ. Утромъ войска начали строиться. Король уже былъ на ногахъ и распоряжался, а въ свободныя минуты молился и съ утра ничего не ѣлъ, такъ какъ рѣшилъ исповѣдаться и причаститься передъ битвою. Неподалеку отъ насъ была небольшая часовня св. Леопольда, гдѣ долженъ былъ отслужить для насъ обѣдню съ благословеніемъ итальянскій монахъ Маркъ Авіано, благочестивый и почти святой челоувѣкъ, про котораго ходили слухи, что онъ творить чудеса.

Когда король вошелъ въ часовню, кто только могъ, прошли вмѣстѣ съ нимъ; другіе стояли за дверями съ не покрытыми головами, такъ какъ почти ни для кого не было мѣста внутри часовни. Капелланъ и другія духовныя лица также служили обѣдню по полкамъ на алтаряхъ, наскоро сдѣланныхъ для войскъ изъ дерна и пней; иностранцы немало дивились тому, что всѣ мы, до послѣдняго слуги, были такъ набожны.

Когда король и графъ Молини исповѣдались въ часовнѣ,

вышелъ монахъ съ дарами, читая молитву, послѣ которой всѣ мы приняли причастіе изъ рукъ святого старца. Потомъ онъ благословилъ насъ на битву и произнесъ латинскую рѣчь, обращенную къ намъ и королю. Я запомнилъ только его послѣднія слова:

— *Si habetis confidentiam in Deo, obtinebitis victoriam.* (Если вы уповаете на Бога, вы побѣдите).

Святой человѣкъ преклонилъ колѣни, а потомъ распростерся крестомъ и молился, а когда пришло время идти на враговъ, онъ взялъ въ руки распятіе и пошелъ впереди насъ такъ мужественно и спокойно, точно онъ былъ въ церкви, а не на полѣ битвы.

Возвратившись изъ часовни св. Леопольда, король, который со вчерашняго дня не взялъ въ ротъ даже и капли воды и нуждался въ силахъ, сѣлъ въ шатръ, который поставили для него почти въ серединѣ войскъ, и спокойно пообѣдалъ. Когда онъ всталъ изъ-за стола, было часовъ одиннадцать. Король надѣлъ въ этотъ день нарядный голубой суконный кунтушъ на бѣлой шелковой подкладкѣ; конь подъ нимъ былъ буланой масти, красивый и выносливый, съ увѣреннымъ шагомъ и очень сильный, такъ какъ тяжесть на немъ была не малая. Кромѣ Пилада, который былъ не конь, а другъ, и одаренъ человѣческимъ разумомъ, во всемъ войскѣ не было ему равнаго. Онъ шелъ подъ королемъ до самой ночи по самымъ дурнымъ дорогамъ и ни разу не споткнулся. Рядомъ съ королемъ, немного впереди его, ѣхалъ оруженосецъ со щитомъ, на которомъ изображенъ былъ гербъ Янины, и хорунжій со знаменемъ, къ которому былъ прикрѣпленъ, въ знакъ королевскаго достоинства, пукъ соколиныхъ перьевъ. Королевичъ Якубъ тоже одѣтъ былъ по-рыцарски, въ легкій шлемъ и прекрасныя латы, со шпагою на боку. Мы привязали также къ его сѣдлу короткую и широкую саблю, такъ какъ если бы ему пришлось самому защищаться, онъ бы не справился со шпагою.

Такъ какъ мы считали битву величайшимъ торжествомъ, то каждый изъ насъ взялъ все, что у него было лучшаго изъ платья, рыцарскаго вооруженія, конской сбруи и оружія и явился въ самомъ блестящемъ видѣ. Я не замѣтилъ этого обычая въ нѣмецкихъ полкахъ, но у насъ велось споконъ вѣка

и передавалось по традиціи отъ отца къ сыну, что нужно идти на битву съ такою же торжественностью, какъ въ церковь. И все въ этотъ день совершилось торжественно, начиная съ обѣдни, благословенія и духовныхъ пѣсней, которыя раздавались во всѣхъ полкахъ, кромѣ иностранныхъ, и кончая шествіемъ и встрѣчею съ врагами, которую мы считали священнымъ долгомъ и шли съ сердцемъ, обращеннымъ къ Богу, исполненнымъ сознанія праваго дѣла.

Когда все было готово, все войско двинулось впередъ съ громкимъ крикомъ, призывая имя Бога. Въ серединѣ находился самъ король, которому императоръ поручилъ предводительство, отдавши приказъ по войскамъ, чтобы его приказанія свято исполнялись. Герцогъ Лотарингскій прислалъ въ свиту короля многихъ изъ своего войска, чтобы было кого разсылать съ приказами. Пушки у насъ были небольшія и ихъ было мало, поэтому хотя изъ нихъ и стрѣляли съ горы, но ядра не долетали до турокъ или не дѣлали имъ почти никакого вреда.

Когда король сѣлся на коня, я былъ при немъ, и видѣлъ своими глазами, какъ онъ сгоралъ отъ нетерпѣнія и жажды боя. Лицо его улыбалось и сіяло весельемъ, точно онъ шелъ на великій пиръ. Сверху былъ виденъ весь боевой порядокъ.

Турки почти не двигались и, точно не замѣчая насъ, все отчаяннѣе и сильнѣе ломились въ городъ. Они только заняли съ вечера самую подошву горъ подъ замкомъ: въ десять часовъ вечера около 12 тысячъ человекъ помѣстилось въ глубокой лощинѣ такъ, что мы видѣли изъ-за горы только верхушки ихъ знаменъ.

Съ утра уже начались на лѣвомъ брылѣ легкія стычки, какъ бы для пробы, но съ переменнымъ счастьемъ. Противъ турокъ выступили сабаутскіе гусары, часть саксонцевъ и нашъ отрядъ подъ начальствомъ мальтійскаго рыцаря Любомірскаго. Были уже горячія схватки передъ тѣмъ, какъ мы вступили въ битву, а полковникъ изъ полка Любомірскаго, нѣкій Кинскій, получилъ такой ужасный ударъ по головѣ, что черезъ три дня отдалъ Богу душу отдалъ; его не защитила даже подкова, которую онъ съ утра положилъ въ свою шапку.

Турки сначала обманывали нѣмцевъ тѣмъ, что нападали спѣшившись и, давши залпъ, снова сѣли на лошадей; это

нѣмцы принимали за бѣгство и бросались прямо на нихъ, въ самую гущу, а тѣ окружали ихъ и рубили такъ, что почти ни одного не оставалось въ живыхъ.

Когда мы съ нашимъ королемъ сѣли на лошадей, битва на лѣвомъ крылѣ была уже въ полномъ разгарѣ и началась такая скачка по горамъ, долинамъ и оврагамъ, что сердце прыгало. Такъ и подмывало ворваться въ ряды сражающихся, схватить саблю и погулять вмѣстѣ съ ними, но долгъ держалъ насъ на мѣстѣ.

Турки засѣли вездѣ: между виноградниками, за оградами, въ оврагахъ и долинахъ. Не вездѣ было легко выбить ихъ изъ позиціи и это стоило намъ много крови, но мы спускались внизъ и падали на нихъ сверху, какъ градъ, всею своею тяжестью.

Почти въ самомъ началѣ битвы насъ поразилъ печальный случай, который могъ бы служить очень плохимъ предзнаменованіемъ, если бы не наша бодрость и надежда на Бога. Молодой галиційскій староста, рыцарь по призванію, уже испытаннаго мужества и знаменитый въ своемъ отечествѣ, предводительствовалъ гусарскимъ полкомъ своего отца, краковского кастеляна Андрея Потоцкаго. Мы знали его всѣ, какъ человѣка съ прекрасною душою, какъ славнаго рыцаря, которому пророчили гетманскую булаву, такъ какъ для Потоцкихъ это было уже не новость. Это былъ тотъ самый, который много путешествовалъ и, возвращаясь изъ Италіи во Фландрію, попалъ на корабль съ порохомъ, взлетѣвшій на воздухъ недалеко отъ города Брюсселя, и почти чудеснымъ образомъ спасся отъ смерти и былъ выброшенъ цѣлымъ и невредимымъ на рѣчной островокъ; ему покровительствовалъ, вѣроятно, св. Винцентъ, мощи котораго пожертвовалъ ему въ Римѣ папа. Онъ увлекался въ битвѣ и не обращалъ вниманія ни на какія опасности. Гусарскій полкъ попалъ въ страшную сѣчу; много славныхъ рыцарей легло на полѣ битвы, и самъ Потоцкій, несмотря на желѣзную кольчугу, которою онъ былъ покрытъ, былъ пронзенъ насквозь вражескою пулею. Его бездыханный трупъ нашли потомъ въ виноградникѣ, отвезли къ несчастному отцу и погребли въ Станиславовѣ.

Когда донесли объ этомъ несчастіи, король даже запла

балъ, потому что любилъ Потоцкаго, какъ сына, и зналъ, какое это будетъ горе для краковскаго кастеляна; но это нисколько не поколебало мужества и надежды на Бога. Мы шли все впередъ и спускались внизъ, когда пришло другое извѣстie, что недавно посланный королемъ придворный казначей Моджевскій былъ тоже убитъ пулею, когда проѣзжалъ по линiи съ королевскими приказами.

Такими роковыми ударами начался этотъ день, точно Господь Богъ хотѣлъ испытать нашу твердость; но, несмотря на горестъ, и король, и монахъ Маркъ Авiано все торопили насъ, чтобы мы дошли до того мѣста, гдѣ, по мысли короля, мы должны были расположиться лагеремъ. Спускаясь съ горъ, увидали мы, наконецъ, всю армiю Кара-Мустафы; людей тамъ была такая масса, что хотя мы и занимали значительное пространство, но казались передъ ними горсточкою. На самомъ краю лагеря стояли главныя турецкiя силы, хотя другiя войска не переставали штурмовать городъ.

Съ самаго утра въ этотъ день былъ такой страшный жаръ, какого никто не запомнить въ это время; солнце жгло, какъ раскаленнымъ желѣзомъ, такъ что намъ казалось, будто шлемы горять на головахъ, потъ лился градомъ съ коней и съ людей и нечѣмъ было освѣжиться и утолить жажду. Въ то время, какъ мы шли подъ этимъ пекломъ, какъ въ раскаленной печи, король сдѣлалъ мнѣ знакъ, чтобы я приблизился, и показалъ на гусаръ направо, стоящихъ у холма.

— Ради Бога, — закричалъ онъ: — скачи къ нимъ и скажи, чтобы они скорѣе взяли этотъ холмъ и выпшвырнули изъ норы эту сволочь.

Внизу притаилась горсть турокъ.

Я прищипорилъ Пилада, который дѣлалъ въ этотъ день чудеса и поскакалъ. Но спускъ былъ такой крутой, что я думалъ сначала, что упадетъ конь, а потомъ, что я самъ упаду ему на голову. Я ложился на его спину, чтобы удержаться на сѣдлѣ. Тамъ, гдѣ я въ другой разъ едва рѣшился бы ѣхать шагомъ, приходилось летѣть вскачь. Тяжесть ѣздока и вооруженiя, казалось, давила коня, но мой несравненный Пиладъ избавлялъ меня отъ всякой опасности, я только крестился, а онъ дѣлалъ свое. Я влетѣлъ въ третiй рядъ гусаровъ, но не

могъ удержаться и проскакалъ до перваго. Я очутился вмѣстѣ съ ними, а они, не дожидаясь приказанія, бросились на турокъ въ самую середину отряда и порядочно ихъ потѣснили. Я не могъ оставаться равнодушнымъ зрителемъ, сердце во мнѣ закипѣло и я пустился вскачь вмѣстѣ съ другими туда, гдѣ мелькали кафтаны и чалмы. Выхвативъ саблю, я сдѣлалъ ею въ воздухѣ крестъ и давай рубить безъ оглядки направо и налѣво. А конь мой, почуявъ эту потѣху, тоже началъ грызть и хватать что ни попало. Какой-то турокъ громаднаго роста, въ красномъ кафтанѣ, засучивъ рукава, съ запаснымъ ножомъ въ зубахъ, скачетъ прямо на меня, я тоже на него. Я размахнулся такъ, что свиснуло въ воздухѣ, но онъ согнулся на сѣдлѣ и легъ, точно его и не было на лошади, а потомъ вдругъ неожиданно поднялся и подскочилъ ко мнѣ совсемъ близко, такъ что я не успѣлъ къ этому приготовиться.

Я отклонился въ сторону и думаю: «Ну, сейчасъ мнѣ конецъ!» Въ эту минуту Пиладъ наскочилъ на турка, схватилъ его зубами за горло и такъ стиснулъ, что у того сабля вывалилась изъ рукъ и самъ онъ полетѣлъ на землю. Такъ спасло меня отъ неминуемой смерти это умное, привязчивое животное своимъ мужествомъ и ловкостью. Я не имѣлъ времени долго стоять надъ трупомъ, хотя это былъ, должно быть, крупный начальникъ; я только слѣзъ и пошарилъ немного его бока и не даромъ, такъ какъ нашелъ у него за пазухою порядочный кошельекъ и большіе золотые часы. Я взялъ эти вещи, сѣлъ на коня и поскакалъ дальше, хотя имѣлъ приказъ сейчасъ же вернуться, исполнивъ порученіе; но я уже потерялъ голову. Я бросился въ толпу и сейчасъ же встрѣтилъ Налынча, точно Богъ меня послалъ; вижу, у него изъ руки хлещетъ кровь и онъ защищается изъ послѣднихъ силъ. На меня брызнуло кровью, такъ что мнѣ едва не залило глаза. и все лицо было обрызгано. На него напало двое турокъ и онъ защищался по-рыцарски. Тогда я, по христіанскому долгу, поспѣшилъ на помощь нелюбимому мною брату моей Елены; явился я въ самую пору, такъ какъ онъ терялъ силы отъ потери крови. Мы подскочили съ Пиладомъ сбоку и я такъ отлично угостилъ одного изъ невѣрныхъ, что тотъ поклонился мнѣ до самой земли. Я перескочилъ черезъ трупъ и сейчасъ

же напалъ на другого, поранивъ его въ руку, а Налынчъ тоже угостилъ его, такъ что и онъ повалился. Теперь только хорунжій обернулся и узналъ меня.

— Что вы здѣсь дѣлаете?—сказалъ онъ. — Но я обязанъ вамъ жизнью! Онъ хотѣлъ сейчасъ же обнять меня, но я подалъ ему только руку и, видя, что кровь текла у него изъ рукава, какъ изъ откупоренной бутылки, перевязалъ ему руку платкомъ, который висѣлъ у моего пояса, и закричалъ ему, чтобы онъ отступалъ, такъ какъ и мнѣ давно пора было возвращаться къ королю.

— Всю жизнь не забуду этого, — сказалъ онъ, цѣлуя меня: — хорошо ты поступилъ. Я сказалъ только: «Не за что благодарить», и подумалъ про себя, что Богъ устроилъ эту счастливую встрѣчу. Хорунжій хотѣлъ было вернуться къ своимъ, но онъ совсѣмъ не владѣлъ рукою. Я взялъ его съ собою и мы поѣхали вмѣстѣ туда, гдѣ былъ король, а онъ отправился къ повозкамъ, такъ какъ нуждался въ помощи лѣкаря. Ни хлѣбомъ, ни паутиною нельзя было зажать такой раны.

Въ ту минуту, какъ я возвращался къ королю на то мѣсто, до котораго онъ успѣлъ дойти за это время, онъ увидѣлъ передъ собою красный шатеръ визиря, подъ которымъ, какъ мы послѣ узнали, какъ разъ въ это время визирь пилъ кофе со своими двумя сыновьями татарскимъ ханомъ. Глаза короля загорѣлись, онъ пришпорилъ коня и мы всѣ поскакали за нимъ. Рука у него дрожала, когда онъ показывалъ на этотъ красный шатеръ. Съ нами было не больше трехъ небольшихъ пушекъ, которыя медленно везли на колесахъ и съ большимъ трудомъ уставляли то тамъ, то здѣсь, такъ какъ иначе ихъ нельзя было провезти по горамъ. Увидѣвъ шатеръ, король обернулся ко мнѣ, замѣтилъ, что все лицо у меня было въ крови, и воскликнулъ.

— Гдѣ это ты такъ раскрасился?

Тогда только я замѣтилъ, что былъ весь вымазанъ кровью Налынча, и началъ смѣяться.

— Это не моя кровь, государь, — сказалъ я, — хотя я немного погулялъ съ гусарами.

— И здоровъ ты? — спросилъ король.

— Ничего, государь, меня и не тронули.

— Это хорошо. Лети же, Мрочекъ, ради всего святого, къ нашимъ пушкамъ,—скажи, чтобы стрѣляли вонъ въ тотъ красный шатеръ. За каждый выстрѣлъ я дамъ пятьдесятъ талеровъ, только бы попали хорошенько въ цѣль. Проси француза, умолай, чтобы онъ хорошенько цѣлился.

При этихъ пушкахъ былъ французъ Муріэ, но мы называли его Мраморъ, такъ какъ все лицо его было до того обезображено оспою, что казалось испещреннымъ мраморными жилками. Я уже тронулся съ мѣста, когда король еще разъ закричалъ мнѣ въ слѣдъ:

— Ради Создателя, скажи французу, чтобы онъ безъ отдыха стрѣлялъ въ красный шатеръ.

Я полетѣлъ, сломя голову, прямо къ пушкамъ и попалъ на величайшее затрудненіе: нечѣмъ заряжать пушекъ. Мы послали въ обозъ, чтобы достать заряды, такъ какъ не позаботились объ этомъ во время. Я передалъ французу желаніе короля, а также рассказалъ ему объ обѣщанныхъ деньгахъ. Онъ такъ и забѣгалъ. Вдругъ онъ схватился за голову, сдернулъ парикъ, снялъ перчатки и платокъ съ шеи... но и этого было мало! Тогда онъ выхватилъ изъ кармана свертокъ печатной бумаги, свернулъ все это вмѣстѣ и положилъ въ пушку. Я посмѣялся надъ французомъ и его горячностью, хотя намъ было не до смѣха; но ядро было, должно быть, плохо направлено, такъ какъ полетѣло, Богъ знаетъ, куда-то, вмѣстѣ съ парикомъ француза.

Войско двигалось дальше и все быстрѣе шло на непріятеля. Подошла наша пѣхота и началась отчаянная битва, на которую смотрѣлъ король, безпрестанно разсылая гонцевъ во всѣ стороны и побуждая всѣхъ къ исполненію своего долга. Самъ онъ такъ рвался впередъ, что едва можно было удержать его. Несмотря на страшный жаръ и усталость, онъ былъ удивительно добръ и веселъ. Король посылалъ меня еще разъ къ графу Молини, который, вмѣстѣ съ придворнымъ конюшимъ, шелъ впереди, чтобы занять тѣ холмы, которые были назначены предѣломъ и мѣстомъ отдохновенія въ первый день. Вернувшись, я поѣхалъ съ королевскимъ отрядомъ. Вскорѣ мы увидели, что все случилось по желанію короля: наши войска безъ труда заняли назначенный пунктъ и остановились тамъ, гдѣ

было приказано. Король хлопнулъ въ ладони и остановилъ лошадь. Мы поспѣшили къ нему. Внизу, подъ нами, былъ лютый бой. До сихъ поръ, а былъ уже вечеръ, турки давали намъ сильный отпоръ и не думали отступать. Въ ту минуту, какъ мы подъѣхали къ краю горы, король остановилъ лошадь и началъ усиленно всматриваться. Смотрѣли и мы, а также всѣ вожди иностранныхъ войскъ, но никто не усмотрѣлъ ничего особеннаго, ни одного хорошаго или дурного признака; только быстрый глазъ короля, привыкшій къ турецкимъ войскамъ и къ ихъ способу нападенія, а также, быть можетъ, просвѣтленный вдохновеніемъ свыше, увидалъ больше всѣхъ.

Король вдругъ двинулся съ мѣста, поднявши руку вверхъ.

— Благословенно имя Господне! — воскликнулъ онъ: — съ нами Богъ! Они поколебались, они отступаютъ! Гусары, впередъ! Ради Бога, впередъ!

Такъ какъ сначала былъ отданъ приказъ, чтобы стоять на мѣстѣ и отдыхать до завтрашняго утра, то всѣ мы немало удивились, но сейчасъ же поскакали съ новымъ приказаніемъ. Никто, кромѣ короля, не замѣтилъ ничего особеннаго между турками, но онъ, не обращая вниманія на всеобщее удивленіе, продолжалъ повторять:

— Ради Создателя! Теперь или никогда! Къ утру они опомнятся. Теперь нужно разможить имъ голову, если только кто вѣритъ въ Святую Троицу!

Увѣренность, съ которою король повторялъ одно и то же и по польски, и по латыни, и по французски, наполнила всѣхъ великою вѣрою; всѣхъ охватила жажда борьбы, мужество и горячее увлеченіе, и мы бодро и смѣло двинулись впередъ.

Король сейчасъ же послалъ одного изъ офицеровъ Лотарингскаго герцога просить его о помощи, а другого въ гусарскіе полки, съ приказаніемъ летѣть впередъ, сломя голову. И, дѣйствительно, легко было свернуть шею! Мы скакали по страшно неровной почвѣ, черезъ ограды и виноградники, по такимъ мѣстамъ, гдѣ, въ другое время, едва можно было устоять на ногахъ даже пѣшему человѣку. Казалось, что всѣ мы попадаемъ, но людей и даже лошадей оживлялъ такой воинственный духъ, котораго не пойметъ никто, кромѣ тѣхъ, кто самъ испыталъ его. Все несло съ возгласами, съ ра-

достными криками и съ такимъ весельемъ и храбростью. что мы сами себя не узнавали. Король тоже не остался на мѣстѣ и стремительно бросился впередъ; при немъ былъ Маркъ Авіано съ крестомъ. Всѣ мы, дворъ и стража, поскакали за королемъ къ самой срединѣ турецкаго войска. Только передъ тѣмъ, какъ мы тронулись съ мѣста, король призвалъ своего зятя, графа Молини, человѣка мужественнаго и твердаго, и поручилъ ему королевича Якуба, прося, чтобы онъ былъ постоянно съ нимъ; самъ же онъ, перекрестившись, со свѣтлымъ лицомъ, припиорилъ коня и мы помчались въ войско невѣрныхъ какъ въ бездну. Это была та рѣшительная минута, въ которую Богъ далъ намъ побѣду.

Отъ этого приказа идти впередъ зависѣло все: судьба этого дня, столицы, быть можетъ, христіанства и слава нашего оружія. Гусары полка королевича Александра первые ворвались въ самую средину войскъ Кара-Мустафы и сейчасъ же потѣснили ихъ. Но не достаетъ словъ для описанія конца этой битвы; среди сумятицы, крика, шума и веселья этого неслыханнаго и неожиданнаго торжества нельзя было ни осмотрѣться, ни опомниться. У насъ передъ глазами было только то, что мы должны побѣдить, что ничто не устоитъ передъ нами. Лицо короля сіяло, глаза горѣли и какъ будто испускали лучи. Монахъ Авіано, высоко поднявши крестъ, вдохновенно пѣлъ: «Te Deum laudamus» («Тебе, Бога, хвалимъ»).

Не было времени ни давать, ни принимать приказанія, все дѣлалось какъ-то само собою. Все бѣжало передъ нашими гусарами, и какъ только первые турецкіе полки показали тылъ, всѣмъ непріятельскимъ войскомъ овладѣло такое неопишемое смятеніе, точно на нихъ ополчился самъ Богъ. Эти безчисленные толпы падали, отступали, бѣжали, бросая оружіе и крича, совершенно потерявъ головы. Шатры валились, поле покрывалось трупами, кони скакали черезъ тѣла живыхъ и убитыхъ людей, черезъ бившихся на землѣ, поваленныхъ лошадей, черезъ кучи всякихъ военныхъ снарядовъ. Кто только хотѣлъ, могъ натѣшиться вволю; всего какая-нибудь десятая часть турокъ защищалась, остальныхъ тѣснили цѣлыми массами и они убѣгали, Богъ знаетъ куда, въ самомъ ужасномъ безпорядкѣ. Я тоже обезумѣлъ и разгорячился такъ же, какъ и другіе. Я бро-

силъ вперёдъ, пустивши поводья, и началъ сѣчь и рубить все, что ни попадало. Я не помню, гдѣ я былъ и что дѣлалъ, знаю только то, что Пиладъ несъ меня сверху внизъ, дѣлая такіе скачки, что я только чудомъ удержался на сѣдлѣ.

Но вдругъ я почувствовалъ, несмотря на горячку, которая все еще не оставляла меня, что мнѣ сильно жжетъ лѣвую ногу. Я удивился, однако посмотрѣлъ и вижу, что сапогъ полонъ крови и она уже льется черезъ верхъ. Въ этой суматохѣ кто-то сильно ранилъ меня въ бедро, а я до сихъ поръ и не замѣчалъ этого. Я остановился въ раздумьи. Еще я не ослабѣлъ, но только передъ глазами у меня начало что-то летать, точно промелькнуло бѣлсе облако. Я почувствовалъ, какъ дрогнулъ подо мною конь, и только потомъ я свалился съ сѣдла; хотѣлъ было удержаться и не могъ. Я пробормоталъ только: «Въ руки Твои, Господи, отдаю духъ мой», и потерялъ сознание.

Была уже ночь, когда я очнулся и открылъ глаза, точно пробудившись отъ сна. Я сейчасъ же почувствовалъ сильную боль въ бедрѣ; мнѣ казалось, что мнѣ оторвали всю ногу. Я осмотрѣлся и увидалъ какой-то слабый свѣтъ; пошаривъ кругомъ, я оцупалъ постель и войлокъ.

— Есть тутъ ктонибудь? — спросилъ я.

Слышу голосъ, Гжеся:

— Я здѣсь.

— Слава Тебѣ Господи! А что тамъ дѣлается?

— Ничего, все хорошо, — сказалъ онъ. — Богъ далъ намъ великую побѣду, такую, какой еще не видало человѣческое око и не запомнятъ самые старые люди. Мы отдыхаемъ въ турецкихъ шатрахъ, а нашъ король такъ выросъ въ глазахъ людей, что никто не можетъ съ нимъ сравниться. Его хвалятъ, цѣлуютъ и носятъ на рукахъ, такъ какъ все это дѣло его рукъ.

— Слава Господу Богу! — сказалъ я. — А что же со мною? Отчего я здѣсь лежу и что осталось съ конемъ?

— Ахъ, — воскликнулъ Гжечь, — вы обязаны жизнью своему коню! Когда вы свалились съ сѣдла, потерявъ много крови, онъ всталъ надъ вами, разставивъ ноги, и никого не подпускалъ близко до тѣхъ поръ, пока мы не нашли васъ; онъ грызъ и кусалъ всѣхъ, защищая васъ. Но теперь спите спокойно, вы въ шатрѣ и среди своихъ.

Но мнѣ совсѣмъ не хотѣлось спать, такъ я интересовался дальнѣйшею исторіею, битвы, которую я видѣлъ только отчасти, и той великой побѣды, которую даровалъ намъ Господь. Я спросилъ Гжеся, кто велѣлъ меня принести и положить сюда. Онъ сказалъ, что объ этомъ позаботился самъ король, а такъ какъ намъ досталась огромная добыча, то онъ постарался также о томъ, чтобы и у меня была своя часть, и назначилъ мнѣ тотъ шатеръ, въ которомъ я лежалъ, недалеко отъ шатра визиря, около котораго ночевалъ онъ самъ, и велѣлъ поставить стражу, чтобы никто не смѣлъ его тронуть; все, что въ немъ было, должно было стать моею собственностью. Я очень удивился этому и спросилъ:

— Что же можетъ быть въ этомъ шатрѣ? Войлокъ и парусина, или какое-нибудь старое сѣдло? Какая же это добыча?

Гжесь только покачалъ головою и свазалъ:

— А посмотрите-ка, что стоитъ около васъ?

Рядомъ со мною стоялъ легкій ящикъ, такой, какіе ставятъ въ дорогѣ на муловъ или верблюдовъ. Гжесь слегка приподнялъ крышку и мнѣ показалось, что ящикъ былъ наполненъ кожаными мѣшками и разными минералами.

— Пусть, это меня не тревожитъ, — подумалъ я. — Закрой, — сказала я Гжесю: — я послѣ посмотрю.

Я хотѣлъ заснуть, но не могъ, все хотѣлось разспрашивать о чемъ-нибудь. Весь лагерь шумѣлъ и гудѣлъ, словно пчелиный улей, а иногда вдругъ раздавался пронзительный крикъ, такъ что едва только положишь голову на подушки, какъ опять что нибудь разбудить.

Была одна такая минута, что я подумалъ о судномъ днѣ. Земля подъ нами вдругъ задрожала, черезъ всѣ щели полился сильный свѣтъ, потомъ раздался такой трескъ, точно весь свѣтъ рушится вмѣстѣ съ нами; потомъ снова настала тишина и мракъ. Я не зналъ, что подумать, и мнѣ пришло въ голову, что турки взорвали на воздухъ почти все войско. Невольно я задрожалъ отъ ужаса. Гжесь въ испугѣ упалъ на землю. Прошло нѣсколько минутъ... Все было тихо. Спустя добрую четверть часа, когда я собирался уже послать Гжеся на развѣдки, приподнялась одна пола шатра и вошелъ Константинъ Дыхавка, шляхтичъ изъ Полѣся, блѣдный какъ полотно. Слышу, онъ спрашиваетъ:

— Здѣсь Мрочекъ?

— Здѣсь,—сказалъ Гжесь:—что тамъ случилось?

— Ничего особеннаго: мы потерпѣли убытокъ и видѣли удивительное зрѣлище. Самъ король, который очень жалѣлъ о потерѣ, говорилъ, что онъ желалъ видѣть разъ въ жизни такую ужасную картину. Слуги нечаянно зажгли порохъ и онъ взлетѣлъ на воздухъ въ такомъ количествѣ, что было бы чѣмъ взорвать всю Вѣну.

Увидя Дыхавку, я не хотѣлъ упускать его, желая раззнать, какъ мы одержали побѣду. Частью отъ него, а частью отъ другихъ, на слѣдующій день, я узналъ, какъ произошло это чудо. Дѣло было такъ: когда гусарскій полкъ принца Александра ворвался въ самую середину турецкаго войска и потѣснилъ его, всѣ турки потеряли головы и бросились бѣжать, точно ихъ толкала нечеловѣческая сила. Напрасно, Кара-Мустафа пытался удержатъ ихъ, заклиная именемъ пророка: все бѣжало, гонимое Божіею десницею. Визирь обратился за помощью къ татарскому хану Гирею, но ханъ тоже не могъ удержатъ своихъ.

— Знаемъ мы этого короля,—сказалъ онъ:—въ бою съ нимъ есть одно только спасеніе: быстро отступить.

Татары тоже уходили, кто куда могъ. Визирь старался собрать немного конницы, но гусары съ коньями такъ ломились въ ряды, что нельзя было сопротивляться. Намъ рассказывали потомъ отбитые плѣнные, которые тамъ были, что визирь заплакалъ и обнялъ своихъ сыновей и, вмѣсто того, чтобы сѣсть на тяжелаго коня, закованнаго въ желѣзо, который былъ приготовленъ для его триумфа, сѣлъ на первую попавшуюся клячу и бѣжалъ вмѣстѣ съ другими, какъ былъ, въ одномъ кафтанѣ.

Я видѣлъ потомъ этого коня, доставшагося королю. Онъ весь былъ покрытъ, по старинному, желѣзными бляхами съ позолотою очень тонкой работы. Вожи были изъ красныхъ шелковыхъ шнурковъ. Королю досталось только одно золотое стремя, которое ему нашель и принесъ какой-то турокъ; оно было повѣшено въ Краковѣ, какъ трофей, передъ чудотворнымъ распятіемъ.

Какъ уже было сказано выше, Лотарингскій герцогъ, который велъ лѣвое крыло, былъ ближе всѣхъ къ туркамъ, и

нѣмцы прежде насъ завладѣли лагеремъ. Около половины седьмого король вторгнулся въ самую середину лагеря, туда, гдѣ стояли шатры визиря. Ему, какъ побѣдителю, молодой турокъ тотчасъ же подвелъ коня визиря, осѣдланнаго такъ, какъ будто его только и ждали. Другіе показали ему, гдѣ были главные шатры Кара-Мустафы, и онъ отправилъ конницу, чтобы занять ихъ, такъ какъ справедливо ожидалъ и большой добычи и боялся, какъ бы войско не разсѣялось за наживою, а турки, опомнившись, не повернулись бы и не напали на разсыпавшіеся ряды. Велѣно было всѣмъ быть готовымъ къ бою и ничего не трогать. Весь лагерь и самое жилище визиря было настоящее чудо.

Однако, въ тотъ же вечеръ нельзя было удержать отъ грабежа нашихъ слугъ и обозныхъ служителей. Все стояло открытымъ, а сокровища были несмѣтныя. Еще наши были умѣреннѣе, особенно, говорятъ, поживившіеся въ эту ночь въ шатрахъ египетскаго паши Дунваля. Дыхавка рассказывалъ то же, что видѣлъ на другой день, какъ турки, видя свою гибель, страшно жестоко поступали съ женщинами и узниками, которые съ ними были. Большіе шатры были полны женщинъ съ отрубленными головами и израненною грудью, убитыхъ или страшно изрубленныхъ; мы послѣ ихъ лѣчили и нѣкоторыхъ изъ нихъ спасли. Одного мальчика, очень красиваго, но страшно изрубленнаго, привели къ королю.

Когда мы, около семи часовъ, заняли лагерь, въ Вѣну еще стрѣляли изъ турецкихъ пушекъ; должно быть, имъ велѣно было держаться до конца, и это продолжалось до десяти часовъ вечера. Герцогъ Лотарингскій прислалъ къ королю, прося выгнать оттуда турокъ и желая ихъ перебить; но король не позволилъ этого и велѣлъ только занять весь лагерь. Среди ночи янычары, видя, что ихъ оставили, сами бросили окопы и ушли со своихъ постовъ. Дыхавка говорилъ, что король страшно утомился и, поблагодаривъ Бога, легъ отдохнуть подъ дерево, которое стояло не подалеку, подложивъ подъ голову сѣдло, несмотря на то, что у него былъ удобный шатеръ, вѣроятно, для того, чтобы служить примѣромъ для войска. Такъ какъ дорога изъ Вѣны была открыта, то Штарембергъ сейчасъ же прислалъ королю подъ дерево ужины, вина, конфекты и разныя закуски.

Остальные турки ушли въ эту темную ночь съ окоповъ такъ, что никто и не замѣтилъ этого среди всеобщаго замѣшательства. Потомъ нашли только 23 янычара въ каменномъ строеніи, построенномъ по образцу солимановыхъ флигелей. Они отстрѣливались очень долго и, наконецъ, сдались, получивъ отъ короля право жизни и свободы.

Мы проговорили съ Дыхавкою почти всю ночь.

Я проснулся передъ разсвѣтомъ, такъ какъ около шатра былъ такой шумъ, что нельзя было спать. То тотъ, то другой прибѣгалъ съ какими-нибудь розсказнями, а обозные служители приходили съ разною добычею и продавали ее за безцѣнокъ. Тутъ же случилась и со мною потѣха. Какой-то болванъ прибѣжалъ ко мнѣ, держа въ рукахъ поясъ, униженный бѣлыми камнями, сдѣланный не по нашему, но довольно красивый. Обоимъ намъ показалось, что это были хорошо отшлифованныя стекла или хрусталь и мы не знали, для чего могъ служить такой поясъ. Онъ хотѣлъ продавать. Сначала я и не думалъ покупать, но потомъ подумалъ, что можно свезти его, какъ рѣдкость, въ подарокъ Опольской. Я далъ этому дурню нѣсколько талеровъ, а поясъ велѣлъ бросить въ ящикъ и больше не думалъ о немъ. Уже гораздо позже, когда разсказывали въ лагерѣ разныя исторіи, одинъ изъ товарищей разсказалъ мнѣ, что въ шатрахъ нашли много поясовъ, усыпанныхъ брилліантами, и что король купилъ нѣсколько такихъ вещей.

— Такъ, можетъ быть, и мой усыпанъ брилліантами?— сказалъ я.

— Гдѣ? Покажи!

Мы достали поясъ и оказалось, что на немъ, въ самомъ дѣлѣ, были брилліанты, хотя и не самые лучшіе.

Трудно счесть, сколько мы набрали богатыхъ сѣделъ, платья, матерій, оружія и разныхъ драгоценностей.

Несмотря на рану, я чувствовалъ себя такъ хорошо, что могъ думать о томъ, какъ поступить дальше. Оставаться долго въ этомъ шатрѣ было невозможно; король хотѣлъ идти дальше, въ погоню за турками, а оставлять на попеченіи у нѣмцевъ даже раненыхъ было плохо, — такое они стали выказывать недоброжелательство и зависть за то, что мы взяли побѣду у нихъ изъ-подъ носа. Прежняя дружба, любезность и ухаживанія сей-

часть же смѣнились завистью и открытою враждою. Король много пострадалъ отъ этого. Мнѣ говорили, что на слѣдующее утро, т. е. сейчасъ же послѣ побѣды, онъ отправился въ Вѣну, чтобы публично поблагодарить Господа Бога за покровительство нашему оружію. Тамъ народъ цѣловалъ его ноги и тѣснился къ нему, чтобы посмотрѣть на его лицо, но остальные были сдержаны.

Въ полдень я пробовалъ вставать; это было трудно, но я убѣдился, что я могу ѣхать въ повозкѣ за войскомъ, такъ какъ я ни въ какомъ случаѣ не хотѣлъ оставаться и ждалъ только приказаній короля.

Въ этотъ день мы сосчитали всѣ наши потери. Многихъ славныхъ воиновъ не стало: тотъ убитъ, другой калѣка, третій пропалъ безъ вѣсти. Пришли вѣсти о туркахъ, за которыми гнался Мячинскій: они ушли всѣ, сколько ихъ ни было. Мнѣнія о томъ, какъ долженъ поступить король, были несогласны: одни говорили, что спасши столицу, ему слѣдовало вернуться въ свое королевство; другіе — что надо было идти дальше и сражаться еще. Многіе политики утверждали, что, исполнивъ нашъ долгъ, намъ слѣдовало идти домой. И, кто знаетъ, не было ли бы это лучше всего, если припомнить дальнѣйшія событія?

Съ утра король поѣхалъ осматривать ровъ, мины и лагерь, а потомъ на богослуженіе въ городъ, гдѣ принималъ его губернаторъ; вечеромъ онъ вернулся и отправилъ во всѣ стороны письма и пословъ, объявляя о побѣдѣ, особенно папѣ въ Римѣ и другимъ христіанскимъ монархамъ. Проѣзжая въ шатеръ ви-зири и сойдя съ коня, онъ услышалъ отъ кого-то, что близко лежитъ Мрочекъ, и самъ своею особою вошелъ въ мой шатеръ совсѣмъ неожиданно для меня. Я не вѣрилъ своимъ глазамъ, когда увидалъ его. Лицо государя было свѣтло и спокойно, но не беззаботно.

— Что ты подѣлываешь, бѣдняга? — сказалъ онъ мнѣ. — Хорошо тебя съѣздили турокъ? Ничего, поправишься и будетъ у тебя славная память и хорошее воспоминаніе о томъ, что ты былъ со мною въ этой битвѣ. Я здѣсь долго оставаться не буду, мы пойдемъ дальше. Тебѣ же нечего раненому тащиться за войскомъ, а оставаться здѣсь я тебѣ не совѣтую. Если можешь и чувствуешь себя въ силахъ, собирайся-ка лучше домой.

Поблагодаривъ короля за то, что онъ вспомнилъ о своемъ смиренномъ слугѣ, я сказалъ, что сдѣлаю такъ, какъ онъ мнѣ прикажетъ. Король задумался.

— Я посылаю дары къ королевѣ,—сказалъ онъ:—туда ѣдетъ нѣсколько посланныхъ. Тебѣ нужно къ нимъ пристать. Больше здѣсь нечего дѣлать. Я пришлю доктора, который тебя осмотришь.

И дѣйствительно, подъ вечеръ пришелъ отъ короля итальянецъ Пекорини, который осмотрѣлъ мою ногу и нашелъ, что рана не опасна, но я очень ослабѣлъ отъ потери крови. Мнѣ перевязали ногу, что было очень больно. Только теперь увидалъ я, какъ меня угостили. Я былъ сильно раненъ въ бедро; хорошо, что, падая съ лошади, я такъ стиснулъ свою рану, что края ея сошлись, а такъ какъ она была свѣжая, а кровь у меня молодая, то все, что было разорвано саблею, понемногу и срослось. Пекорини далъ мнѣ какой-то бальзамъ для прикладыванія къ ранѣ, велѣлъ обмывать ее и смотрѣть за ея чистотою и за тѣмъ, чтобы она какъ-нибудь не загноилась. Этого бальзама хватило мнѣ почти до самого дома, а потомъ я лечился уже другими мазями. Я узналъ въ тотъ же день, что Налынчъ былъ въ томъ же положеніи, какъ и я, и его тоже велѣно было отослать домой. Не знаю, отчего съ нимъ сдѣлалась потомъ страшная горячка, такъ что онъ нѣсколько дней никого не узнавалъ, и рассказывали странныя вещи о томъ, какъ его околдовала какая-то турчанка. Я чувствовалъ себя очень сносно для раненаго и началъ уже подумывать о дорогѣ, такъ какъ, послѣ ухода короля съ войскомъ, здѣсь не зачѣмъ было оставаться. Я сейчасъ же началъ нагружать свои возы, имѣя по милости короля такую же хорошую добычу, какъ и другіе, хотя и не ходилъ за нею. Я разсмотрѣлъ свой ящикъ и нашелъ въ немъ тысячи три золотыхъ червонцевъ, разныя драгоценности, прекрасное сѣдло, нѣсколько ружей, часы; словомъ, прибавляя къ этому то, что у меня было раньше, было на что пожить. Я сейчасъ же купилъ за безцѣнокъ четырехъ лошадей, оставшихся послѣ турокъ, и легко досталъ другую повозку для вещей. Шатерь, подъ которымъ я лежалъ, я велѣлъ взять съ собою на память.

Я могу сказать, что этотъ день достался мнѣ почти также

трудно, какъ и самая битва, такъ какъ нужно было торопиться, а силъ у меня было мало и мнѣ не давали покоя. Дыхавка сказалъ мнѣ, что, вмѣстѣ съ другими, не стало пана Флоріана, онъ былъ убитъ пулею еще въ виноградникахъ и только и на другой день слуги нашли его тѣло, страшно обезображенное, съ пробитою на вылетъ грудью и отрубленною головою. Я прочелъ молитву за спасеніе его души, не думая радоваться его смерти, хотя онъ и былъ при жизни моимъ врагомъ.

Едва только кончилось наше дѣло и турки разсѣялись, сейчасъ же пахнуло другимъ воздухомъ отъ императорскаго двора и отъ нѣмцевъ, которые не скрывали того, что косятся на насъ и завидуютъ нашему успѣху, а вмѣсто благодарности выказывали намъ недоброжелательство. Это было такъ ясно и королю, и всему войску, что нельзя было ошибиться. Мнѣ тоже не хотѣлось долго оставаться у негостепріимныхъ нѣмцевъ и, какъ только король отступилъ, а Пекорини, который ходилъ ко мнѣ по его порученію, нашелъ, что я могу ѣхать, я велѣлъ готовить повозки, прислать мнѣ мой венгерскій возокъ, чтобы лечь въ немъ, и, благословясь, двинулся къ Кракову уже болѣе удобными путями.

Я не стану рассказывать, что случалось съ нами въ дорогѣ, и перечислять все то, что мы вынесли въ гостиницахъ отъ жителей, которыхъ вездѣ было много и съ которыми приходилось бороться изъ-за ночлега и почти каждый день расправляться саблею. Много лѣнивыхъ и такихъ же раненыхъ, какъ я, возвращалось домой и, по большей части, не съ пустыми руками, такъ какъ тѣ, которые дрались меньше всѣхъ, лучше всѣхъ поживились.

Хотя я взялъ съ собою Гжеся и еще двухъ людей для безопасности, но я думаю, что если бы не Павелъ Парчевскій изъ полка поморскаго воеводы, который взялъ съ собою двухъ здоровыхъ и ловкихъ малыхъ, то не уцѣлѣли бы ни мы, ни наши повозки. Мы больше терпѣли въ дорогѣ отъ разныхъ бродягъ, которые никого не щадили, чѣмъ отъ турокъ подъ Вѣною. Я вздохнулъ свободнѣе, когда увидалъ, наконецъ, Вавель и башню Дѣвы Маріи, когда мои повозки пріѣхали въ гостиницу, а самъ я, перенеся свои вещи, расположился въ удобной и безопасной

комнатѣ, желая окончательно выздороветь, прежде чѣмъ ѣхать домой.

Парчевскій пошелъ за докторомъ. Насъ было четверо, нуждающихся въ его совѣтѣ: онъ, я и еще двое шляхтичей, которые ѣхали съ нами. Моя рана сильно загноилась въ дорогѣ отъ всякихъ неудобствъ, его тоже, а у нихъ и мясо начало портиться, такъ какъ они не умѣли обращаться со своими ранами. Мы должны были подумать о себѣ.

Написавъ пану Яцку, гдѣ я и что со мною случилось, я пользовался своимъ временемъ, насколько позволяла мнѣ болѣзнь. Съ моего приѣзда въ Краковъ, двери мои не запирались. Ко мнѣ шли толпою знакомые и незнакомые съ разспросами, такъ какъ въ то время еще мало знали о нашемъ походѣ и о побѣдѣ.

Обмана и лганья было столько, что если бы всему вѣрить, то закружилась бы голова. По церквамъ служили торжественные молебны, благодарили Бога и прославляли нашего героя-короля, почти какъ святого. Не мало было и горя, такъ какъ каждое торжество достается цѣною страданій; но въ то время на похоронахъ и панихидахъ гробы украшались лаврами, такъ какъ для христіанскаго рыцаря было счастьемъ умереть за вѣру. Черезъ Краковъ шло рядомъ и доброе, и злое: тѣла убитыхъ и возы съ добычею, вѣсти о побѣдѣ и глухія опасенія, раненые герои и трусы, убѣгавшіе отъ сраженія.

Я получилъ письмо отъ пана Яцка, но оно не подняло меня съ постели, а, напротивъ, дурно на меня подѣйствовало, такъ какъ я узналъ изъ него, что Елена, измученная притѣсненіями братьевъ, оставшихся дома и требовавшихъ, чтобы она вышла замужъ за того, кого они выбрали, оставила домъ и временно поселилась въ Вильнѣ, въ женскомъ монастырѣ св. Франциска. Пани Опольская увѣряла, что она сдѣлала это не съ цѣлью посвятить себя Богу, но только въ ожиданіи перемѣны обстоятельствъ.

Рана заросла, хотя боль еще продолжалась и я не могъ садиться на лошадь. Я могъ, однако, ходить каждый день въ конюшню, опираясь на костыль, чтобы посмотреть на то доброе животное, которому я былъ обязанъ жизнью. Когда приближалось то время, въ которое я обыкновенно ходилъ въ конюшню.

Пиладь поворачиваль голову къ двери и, слышавъ мои шаги, начиналь ржать и рваться ко мнѣ. Онъ лизаль и ласкаль меня больше всякой собаки. Удивительный разумъ и сердце были у этого животнаго! Съ самой битвы подъ Вѣною я никому не позволяль на него садиться, а когда нужно было провести его для здоровья, Гжесь садился на караковаго жеребца, бралъ Пилада за поводъ и его водили подъ нарядною турецкою попоною, какъ королевскаго коня, Я наряжалъ его, какъ куклу, и онъ былъ удивительно красивъ. Мнѣ давали за него въ то время баснословныя цѣны, но я только смѣялся, потому что, если бы даже мнѣ предложили взять цѣлую деревню, я и того бы не взялъ. Продать коня не долго, но промѣнять друга — было грѣшно и дурно.

Я обошелъ съ костылемъ всѣ краковскіе костелы и въ двухъ изъ нихъ оставилъ вклады въ благодарность за то, что я возвращался домой съ честью, избѣжавъ увѣчья. Панъ Яцекъ торопилъ меня возвращаться въ Вульку. Мнѣ самому туда хотѣлось, но уже не такъ тянуло, какъ тогда, когда я надѣялся встрѣтить тамъ Елену. Съ грустью думаль я о томъ, что будетъ дальше, чѣмъ кончится мое дѣло и какъ я справлюсь съ братьями Елены.

Однажды пришелъ ко мнѣ Парчевскій, который тоже былъ задержанъ въ Краковѣ, и сказалъ мнѣ, что кто-то ищетъ меня по всему городу. Подъ вечеръ, уже въ сумерки, пока слуга еще не приносилъ свѣчъ, я услыхаль, что кто-то спрашиваетъ въ сѣняхъ слугу:

— Здѣсь панъ Мрочекъ?

Я узналь голосъ хорунжаго Налынча?

— Да будетъ благословенъ Господь! Здравствуйте, панъ Янъ!

Я вскочилъ и подошелъ къ нему.

— Здравствуйте. Ну, какъ же вы поживаете и откуда васъ Богъ несетъ!

Въ эту минуту вошелъ Гжесь со свѣчами. Я взглянулъ на своего гостя: онъ былъ страшно блѣденъ, похудѣль и постарѣль и сейчасъ же въ изнеможеніи опустился на стулъ.

— Что съ вами было?—спросилъ я.

— Много я испыталъ всякихъ бѣдъ, — сказалъ онъ: — съ тѣхъ поръ, какъ вы спасли мнѣ жизнь. Я не хотѣль оставлять

войска и думалъ, что рука моя скоро заживетъ. Я полежалъ въ Вѣнѣ и скоро могъ владѣть рукою, а потомъ догналъ наше войско, хотя рана не вполне еще зажила. Трудно описать, какъ мы тамъ бѣдствовали. Меня опять задѣла татарская стрѣла, я вынулъ ее и лѣчился у стараго солдата до тѣхъ поръ, пока не заросла дыра. Этого мнѣ было довольно. Вылечившись и намутившись вдоволь, я, какъ видите, тянусь домой. Ну, а вы какъ, панъ Янъ?

Я тоже рассказалъ ему, что со мною было, и прибавилъ, что, какъ только вылѣчусь, думаю ѣхать домой.

— Поѣдемте вмѣстѣ, — сказалъ онъ: — оба мы калѣки и будемъ помогать другъ другу. Я думаю, что мы оставили подъ Вѣною все наши старыя ссоры въ ту минуту, какъ моя кровь обрызгала ваше лицо, а остальную мою кровь спасла ваша сабля. Будемъ теперь друзьями и братьями.

Я холодно поблагодарилъ его, такъ какъ не хотѣлъ особенно съ нимъ сближаться, потомъ велѣлъ принести вина и мы начали понемногу пить и рассказывать. Пришелъ Парчевскій и еще нѣсколько человѣкъ. О вѣнскомъ походѣ можно было говорить хотя два года, не закрывая рта ни днемъ, ни ночью. Мы все разговорились.

— А что, — заговорилъ вдругъ хорунжій: — вамъ не хочется въ Вулька? Я думалъ, что вы уже давно дома.

— Вулька не убѣжитъ, — сказалъ я: — Яцекъ тамъ хозяйничаетъ. Вѣдь я былъ боленъ и долженъ былъ жить на латинской кухнѣ.

Онъ покачалъ головою.

— Должно быть, — сказалъ онъ: — вы получили письмо отъ папа Яцка.

— Еще бы, — сказалъ я, — не безъ того.

— Ну, теперь я понимаю, отчего вы не торопитесь домой.

На этомъ разговоръ оборвался и снова перешелъ на другіе предметы. Вдругъ Парчевскій, который пришелъ позже всѣхъ, говоритъ:

— Удивительная это вещь съ нашимъ вѣнскимъ походомъ! Что ни человѣкъ, то новая исторія. Представьте себѣ, господа, что мнѣ сегодня рассказывали. Въ Клепажѣ остановился шляхтичъ, возвращающійся изъ войска, должно быть, богатый: съ

нимъ много повозокъ. Отгадайте, какую онъ удивительную вещь добычу?

Когда онъ сказалъ: „на Клепажъ“, я замѣтилъ, что Налынчъ вздрогнулъ и обернулся; однако, онъ не сказалъ ни слова, взялъ кубокъ и выпилъ немного вина. Всѣ начали отгадывать. Одинъ говорилъ—верблюда, другой—коня, третій—страуса, обезьяну и т. д. Парчевскій только пожималъ плечами и улыбался; наконецъ, онъ сказалъ:

— Никто не отгадалъ. Онъ выбралъ себѣ самое лучшее; слуги говорятъ, что когда мы напали на турецкій лагерь, этотъ рыцарь, раненный, ѣхалъ въ повозкѣ за лагеремъ. Повозка оставилась на краю лагеря, почти оставленномъ людьми, такъ какъ всѣ бросились грабить. Была уже глубокая ночь, когда показалась изъ темноты женщина необыкновенной красоты, богато одѣтая въ золотыя ткани, ожерелья и кольца, но полуживая отъ страха. Она скрылась куда-то во время битвы и вышла только теперь, желая спастись бѣгствомъ; но видя, что можно попасться въ руки солдатъ, она сама отдалась подъ защиту нашего рыцаря. Какъ и что было дальше, я не знаю, но, вѣроятно, ее везутъ въ Польшу уже окрещенную и, какъ говорить слуги, этотъ шляхтичъ на ней женится.

Я смотрѣлъ на Налынча, который попивалъ вино и не повелъ даже бровью во время этого разсказа, и только когда кончилъ Парчевскій, всталъ и сказалъ епокойно:

— Вамъ разсказали это не такъ. Я знаю объ этомъ больше другихъ, такъ какъ эта гречанка ѣдетъ со мною, а этотъ шляхтичъ—я, если хотите знать.

Всѣ замолчали, но Дыхавка, который былъ всѣхъ смѣлѣе и рѣшительнѣе, да еще выпилъ, сказалъ со смѣхомъ:

— Ну, если такъ, панъ хорунжій, то вы должны разсказать это лучше пана Парчевскаго, чтобы не ходили разныя нелѣпыя сплетни.

— Отчего же нѣтъ?—воскликнулъ Налынчъ:—я не думаю скрывать. Вотъ, послушайте. Когда Мрочекъ спасъ мнѣ жизнь, рука у меня была страшно изранена. Нужно было сѣсть въ повозку и не думать больше о битвѣ. Этотъ басурманъ оторвалъ меня отъ пира, какъ кота отъ молока, и я чуть не пла-

калъ. Ну, что за радость смотрѣть, какъ другіе побѣждаютъ, дерутся и рубятся, а самому сидѣть, какъ на привязи. Нечего дѣлать, я потащился въ своей повозкѣ, держась какъ можно ближе къ войску. Уже смеркалось, когда взяли лагерь. Но какъ только войска дошли до оставленныхъ шатровъ, хотя король запретилъ строжайшимъ образомъ что-либо трогать, тутъ бы и святой не удержался. Отъ меня тоже всѣ разбѣжались. Я остался одинъ. Пришла ночь. Я смотрѣлъ съ небольшого пригорка, на которомъ остановились лошади, пощипывая траву, на огромный лагерь и на людей, которые шныряли въ разныхъ направленіяхъ, слышалъ отдѣльные выстрѣлы, крики и смѣшанный гулъ, и голова у меня кружилась. Вдругъ я увидѣлъ, что бѣжитъ какая-то женщина съ поднятыми руками, одежда ея развѣвается, какъ крылья, а за нею гонятся двое людей. Я не былъ бы рыцарь и шляхтичъ, если-бы, при видѣ женщины, хотя бы и язычницы, въ такомъ положеніи, во мнѣ не закипѣла кровь. Забывая про свою рану и не думая о томъ, что я дѣлаю, я бросился вонъ изъ повозки. У меня подъ рукою былъ заряженный мушкетъ. Я пробѣжалъ нѣсколько шаговъ: женщина приближалась прямо ко мнѣ и упала безъ чувствъ къ моимъ ногамъ. Я поднялъ мушкетъ и такъ крикнулъ на преслѣдователей, что они сейчасъ же остановились. Они хотѣли было пойти за мною, но одинъ изъ нихъ узналъ меня, хотя не замѣтилъ, что я раненъ, и потому они только пошептались и скрылись. Тогда я остался одинъ съ этою женщиною. У меня не было ни воды, ни лѣкарствъ, ни свѣдѣній о томъ, какъ приводить женщину въ чувство, просто бѣда! Я подошелъ и всталъ на колѣни около нея. Она упала навзничъ. Я рассмотрѣлъ ее ближе и увидалъ, что это была женщина удивительной красоты, очень молодая, почти дитя и необыкновенно пышно одѣтая. На шеѣ у нея было нѣсколько жемчужныхъ нитокъ, на рукахъ и на головѣ брилліантовые украшенія, а поясъ усыпанъ сапфирами и брилліантами. Я сейчасъ же догадался, что это была жена визиря или одного изъ его сыновей. Но что же мнѣ было дѣлать? У меня во фляжкѣ было немного вина. Я помочилъ ей виски и это помогло; она понемногу пришла въ чувство, но отъ страха и горя она какъ будто помѣшалась и была въ безсознательномъ состояніи. Она такъ за меня уцѣпилась, что я, волею неволею, изъ одного

человѣколюбія, долженъ былъ взять ее подъ свое покровительство. Повѣрьте, господа, что раненому не легко было справляться съ такою обузою и много мнѣ пришлось вытерпѣть несправедливостей. Я уважалъ и жалѣлъ эту женщину, а въ лагерѣ все только смѣялись, осуждали и завидовали мнѣ. Чтобы избавить отъ стыда и позора и ее, и себя, на другой же день я привезъ ее въ Вѣну, гдѣ указали мнѣ на одного греческаго купца, нѣкоего Каллимахи, который зналъ также и по-турецки. Каллимахи былъ человѣкъ серьезный, уже не молодой и въ домѣ у него была одна только дочь-вдова. Какъ только мы пріѣхали, оказалось, что моя невольница была не турчанка и не невѣрная, а христіанка и гречанка, похищенная корсарами, которые продали ее въ Стамбулѣ Кара-Мустафѣ. Я хотѣлъ отпустить ее на волю и отправить къ своимъ, но она не хотѣла и слышать объ этомъ. Каллимахи оцѣнилъ тѣ драгоценности, которыя были на ней, въ десять тысячъ золотыхъ червонцевъ, кромѣ одного роскошнаго смарагда, величиною съ голубиное яйцо, удивительной воды, котораго онъ не сумѣлъ оцѣнить. Все это я, конечно, сполна возвратилъ ей, такъ какъ это составляло ея имущество, отъ котораго зависѣла ея будущность. Мнѣ и въ голову не приходило, чтобы она могла ѣхать куда-нибудь, кромѣ своей родины, чтобы отыскать тамъ свою семью. Каллимахи могъ бы легко помочь ей въ этомъ дѣлѣ. Говорить съ нею было трудно, хотя она знала немного по итальянски, а я по-латыни и, такимъ образомъ, мы могли понимать другъ друга. Я остановился внизу у этого грека, желая вылѣчить свою руку, и гречанка сейчасъ же взялась смотрѣть за моею раной. Трудно было отказать ей, она говорила, что знаетъ разные секреты на эти случаи. Словомъ, бѣдная сиротка тѣмъ сильнѣе ко мнѣ привязалась, чѣмъ больше я отъ нея сторонился. Мое сердце тоже смягчилось. Что тутъ было дѣлать? Жить беззаконно я не хотѣлъ, бросить ее не доставало силы, конечно, слѣдовало жениться, а у насъ, какъ вамъ извѣстно, бракъ устраивается не только для тѣхъ, которые избрали другъ друга. Онъ имѣетъ свои условія, обязанности и правила, отъ которыхъ трудно отступить шляхтичу. Жена крестьянина и помѣщика должна быть изъ его племени, народа, класса, привычная къ нашей жизни и къ ея трудностямъ. Красивѣйшая гречанка будетъ несчастна

съ нашимъ братомъ-шляхтичемъ, а онъ съ нею. Что будетъ потомъ, если Богъ дастъ дѣтей, которыхъ должна воспитывать мать? Она сдѣлаетъ ихъ чуждыми отцу не только по крови, но и по языку, привычкамъ и самой душѣ. Обо всемъ этомъ я думалъ и все было напрасно. Женщина была красива, добра и кротка и съ каждымъ днемъ привязывалась ко мнѣ все больше и больше. Богъ свидѣтель, что я очень страдалъ въ это время. Думая, что все это можетъ пройти, я поѣхалъ въ войска, какъ только рука моя немного зажила, и оставилъ эту сироту у Калимахи, но здѣсь задѣла меня татарская стрѣла и заставила опять искать укромнаго уголка для лѣченія. Я вернулси въ Вѣну и, хотя не останавливался у грека и избѣгалъ этой женщины, она сама меня отыскала и не хотѣла уходить отъ меня. Боже мой, сколько тутъ было слезъ и жалобъ и какое искреннее чувство она выказала. Богъ свидѣтель, что я много выстрадалъ, прежде чѣмъ посовѣтовался съ знакомымъ ксендзомъ, котораго я случайно встрѣтилъ въ Вѣнѣ. Выслушавъ все дѣло, онъ сказалъ мнѣ: „Прежде всего спасеніе вашихъ душъ. Если вы такъ любите другъ друга, вы должны соединиться, а то будетъ хуже. Пусть церковь благословитъ васъ, остальное въ рукъ Божіей и, можетъ быть, выйдетъ не такъ дурно, какъ вы опасаетесь“. И, такимъ образомъ, я женился на Софѣѣ, — закончилъ хорунжіи.

— Такъ вы женаты?—спросилъ Парчевскій и мы всѣ вмѣстѣ съ нимъ.

— А вы думали, что я среди бѣлаго дня везу себѣ любовницу на поруганіе честныхъ женщинъ?—вздыхая отвѣтилъ Налынчъ.

— Однако,—продолжалъ онъ,—жениться—не штука, привести жену въ домъ—тоже, но всего труднѣе будетъ устроить такъ, чтобы братья, родные, друзья и знакомые приняли, ее какъ слѣдуетъ, и не заставили почувствовать горечи ни ее, ни меня. Братья ничего не знаютъ объ этомъ.

Онъ замолкъ. Замолчали и мы, такъ какъ, дѣйствительно, нечего было смѣяться и не о чемъ много разговаривать. Налынчъ сидѣлъ у меня, очевидно, желая пересидѣть остальныхъ. Всѣ разошлись, а онъ остался. Тогда онъ присѣлъ на мою постель, взялъ меня за руку и сказалъ:

— Слушай, Мрочекъ, ты спасъ мнѣ жизнь, ты человекъ

хорошій, король тебя любить и ты заслужилъ хорошую славу своею храбростію. Я не хотѣлъ выдавать за тебя сестру и былъ за это наказанъ тѣмъ, что самъ долженъ былъ жениться не по-дворянски. И вотъ я пришелъ тебѣ сказать, что если Леля осталась при своемъ намѣреніи, а ты ее любишь, я не только не буду вамъ препятствовать, но, напротивъ, общаюсь помочь. Я бросился ему на шею и сталъ цѣловать его, но онъ сказалъ мнѣ:

— Постой, много еще придется намъ обоимъ помучиться съ моими братьями. Я написалъ отсюда въ Вильну Еленѣ, чтобы она сейчасъ же ѣхала домой. Мы поѣдемъ вмѣстѣ, а остальное должно устроиться, что-бы они тамъ ни дѣлали.

Позднею осенью, въ морозы и въ снѣгъ, выѣхали мы, наконецъ, изъ Кракова и поѣхали домой черезъ Люблинъ. Ѣхали мы вмѣстѣ и чѣмъ ближе подѣзжали къ мѣсту своего назначенія, тѣмъ грустнѣе намъ становилось, такъ какъ мы заранѣе предвидѣли, что насъ ждетъ. Хорунжіи хорошо знали свою семью и не ошибался. Прежде, чѣмъ мы пріѣхали въ Полѣсье, уже до насъ дошли слухи о томъ, что произошло; было много возвращающихся, которые рассказывали разныя небылицы, особенно про женитьбу Налынчаи про его жену. Братья не могли противиться волѣ старшаго, но подняли страшную тревогу между своими противъ этого брака и поклялись, что не сядутъ за столъ съ братомъ, который взялъ за себя какую то невольницу. Дошло до нихъ также и то, что онъ ѣхалъ со мною и соглашался на мою женитьбу; это было для нихъ чуть ли не хуже перваго. Они хотѣли, чтобы сестра осталась въ монастырѣ, а ея имѣніе отошло бы съ нимъ, рассчитывая, что если бы братъ не помогалъ мнѣ, то тѣмъ бы, вѣроятно, и кончилось. Подвигаясь къ дому, мы ничего объ этомъ не знали, но путешествіе было печальное, и если бы не веселость жены хорунжаго, которая забавляясь всѣмъ, какъ дитя, мы бы чуть не плакали.

Въ Люблинѣ мы остановились въ гостиницѣ на Градской улицѣ, а такъ какъ повозки наши были наполнены турецкою добычею и изъ нихъ видѣлись шатры, бунчуки и т. п., то за нами шло не мало зѣвакъ. Едва мы въѣхали во дворъ, приказавъ запереть ворота, какъ услышали, что кто-то стучится.

Я выскочилъ изъ повозки, вижу—шляхтичъ. Я сейчасъ же увидалъ, что онъ былъ изъ компаніи Налынчей, такъ какъ часто встрѣчалъ его у нихъ. Звали его Маршевскій, но мы прозвали его Бѣсомъ, потому что онъ былъ необыкновенно задорный и пронирыливый человѣкъ. Неизвѣстно, откуда явился онъ къ Налынчамъ, еще при отцѣ, и такъ хорошо у нихъ основался, присосавшись, какъ пѣвка, что они никогда безъ него не обходились. Человѣкъ онъ былъ не молодой, но еще крѣпкій, лицо у него было изрублено саблею, на рукахъ не доставало нѣсколькихъ пальцевъ, и однимъ глазомъ онъ плохо видѣлъ, такъ какъ ему попортили его въ какой-то дракѣ. Сначала я не хотѣлъ его пускать, но онъ отперъ дверь и вошелъ въ гостиницу почти слою, спрашивая о хорунжемъ. Тотъ повелъ жену въ комнату. Бѣсъ хотѣлъ идти за нимъ, но я удержалъ его, сказавъ, что хорунжій сейчасъ придетъ. Онъ остановился, смотря по сторонамъ и поглаживая усы.

— Я вижу васъ вмѣстѣ и въ добромъ согласіи. Поздравляю, поздравляю!—сказалъ онъ.

— Худой миръ лучше доброй ссоры,—отвѣтилъ я:—а мы заключили настоящій миръ, такъ какъ запечатлѣли нашъ союзъ кровью на полѣ битвы.

Онъ ничего не сказалъ. Я послалъ Гжеся за хорунжимъ; тотъ пришелъ и, какъ только завидѣлъ Бѣса, такъ весь и вспыхнулъ. Онъ понялъ, что того прислали братья. Начались привѣтствія. Гость расчувствовался, видя хорунжаго цѣлымъ и невредимымъ.

— Благодарите за это пана Мрочка,—сказалъ хорунжій:—если бы не онъ, я бы вмѣстѣ съ другими грызъ песокъ въ курганѣ подъ Вѣною.

Внизу была моя комната и они пошли туда. Я остался у повозокъ, желая позаботиться о томъ, чтобы Пилада не поставили въ нечистое мѣсто, такъ какъ это часто вредитъ лошадямъ. Придетъ кто нибудь съ больною клячею, испортитъ мѣсто, а потомъ не успѣешь оглянуться, какъ случится бѣда. Возвращаясь изъ конюшни, я услышалъ громкіе голоса; они разговаривали очень оживленно, но когда я вошелъ, то оба замолкли. Я не обратилъ на это вниманія. Бѣсъ началъ разспрашивать о войнѣ и рассказывать о домѣ. Хорунжій послалъ за

медомъ и мы продолжали говорить о вѣнскомъ походѣ. Когда мы наговорились, Налынчъ взялся за шапку и вышелъ вмѣстѣ съ Бѣсомъ. Я не спрашивалъ, куда и зачѣмъ. Онъ вернулся не поздно, но очень задумчивый. Я подошелъ къ нему и началъ разспрашивать о томъ, что слышно, какія вѣсти изъ дому, но онъ отмалчивался, потомъ началъ какъ-то вилать, между нами какъ будто встала стѣна. Мы были уже не тѣ, что вчера. Бѣсъ сдѣлалъ свое. Я почувствовалъ, что что-то неладно, но не сразу догадался, что бы это могло быть. Я подѣзжалъ и съ той, и съ другой стороны относительно возвращенія и братьевъ, но увидалъ, что хорунжій завирается, путается, отвѣчаетъ изъ пятого въ десятое. Тогда я оставилъ его. Когда намъ нужно было идти спать, онъ сошелъ ко мнѣ внизъ, сѣлъ у окна и сказалъ:

— Вы бы хорошо сдѣлали, если бы поѣхали прежде одни, а я потомъ бы отправился за вами. Намъ какъ-то нехорошо являться туда вмѣстѣ. Я долженъ здѣсь побыть, а потомъ...

Я не далъ ему докончить. Я видѣлъ, что что-то случилось, а такъ какъ я никогда никому не навязывался, то меня это поразило и я сейчасъ же отвѣтилъ:

— Я ѣду завтра.

Я замѣтилъ, какъ его огорчило то, что я былъ обиженъ. Онъ заговорилъ съ нѣжностью, что хотѣлъ бы вѣчно имѣть меня другомъ, что онъ въ очень трудныхъ семейныхъ обстоятельствахъ, что слѣдовало бы предоставить остальное теченію времени. Я догадался, что меня продали и чье это было дѣло, но не проронилъ ни слова и не показавъ, какъ мнѣ было горько. Видя, какъ далеко мы ушли отъ нашей великой дружбы, я рѣшилъ не унижаться и ни о чемъ не просить. Что Богъ дастъ! Мы разстались. Когда Налынчъ уходилъ, я сказалъ ему:

— Прощайте же, я уѣду до свѣта.

— Что же вы такъ спѣшите?—проговорилъ онъ.

— Пора уже мнѣ, хотѣлось бы отдохнуть.

Когда онъ ушелъ, я далъ волю своему горю и негодованію. Если бы мнѣ не было стыдно, я бы заплакалъ, но я сдержался, стиснулъ зубы и рѣшилъ, что я оставляю гостиницу, какъ только начнетъ свѣтать. Я позвалъ Гжеся; онъ удивился, но я не далъ ему говорить и только велѣлъ, чтобы все было

готово къ утру. Самъ я такъ и не ложился и просидѣлъ всю ночь у окна. Около трехъ часовъ по полуночи я сошелъ во дворъ распорядиться, чтобы задали корму лошадямъ, но засталъ слугу уже на ногахъ.

Солнце всходило, когда застучала у воротъ моя повозка и я собрался ѣхать. Вдругъ сверху сбѣжала дѣвушка и удержала меня, говоря, что жена хорунжаго проситъ меня подождать минутку, чтобы проститься съ нею. Во время путешествія въ Краковъ, гречанка была ко мнѣ очень благосклонна и выказывала мнѣ большое расположеніе. Она настолько выучилась по-польски, что мы могли говорить съ нею. Въ минуту моего отъѣзда она, вся блѣдная, сбѣжала съ лѣстницы спрашивая меня, что случилось и отчего я уѣзжаю. Я не зналъ, что сказать ей, но увидалъ по ея глазамъ что она многое знаетъ и спрашиваетъ только для того, чтобы убѣдиться. Мнѣ не нужно было лгать, и потому я сказалъ ей:

— Вѣтеръ повернулъ флюгеръ; я болѣе вамъ не нуженъ и ѣду прямо домой. Все это устроилъ Бѣсъ.

— Слушайте,—живо отвѣтила она:—не думайте обо мнѣ дурно, я поправлю его ошибку. Онъ сдѣлалъ это для меня, а я не хочу покупать своего счастья цѣною чужого. Надъ нами бы не было Божіяго благословенія. Будьте спокойны!—Прибавила она со слезами на глазахъ и мы разстались.

Не весело было мое возвращеніе. Отъ великихъ надеждъ я перешелъ къ прежней неизвѣстности. На другой день, подъ вечеръ, показалась изъ-за лѣса моя Вулька. Я осѣнилъ ее святымъ крестомъ и на глазахъ у меня были слезы. Чѣмъ ближе я подѣзжалъ къ дому, тѣмъ сильнѣе билось мое сердце.

Я не знаю, какъ это случилось, что я засталъ у себя пана Яцка; я не писалъ ему о днѣ своего пріѣзда и онъ не думалъ объ этомъ. Я увидалъ его еще издали, стоящаго въ воротахъ съ четками. Я вышелъ изъ повозки, опираясь на костыль, и мы бросились другъ другу въ объятія, не говоря ни слова.

Въ хозяйствѣ, которымъ распорядился этотъ вѣрный другъ, все было такъ хорошо, какъ, вѣрно, я самъ не сумѣлъ бы устроить. Мы просидѣли у огня всю ночь и не могли наговориться... Только утромъ немного поспали.

Мы начали разбирать вещи, такъ какъ мнѣ хотѣлось похва-

статься передъ другомъ своею добычею. Бромѣ той, которая досталась мнѣ самому, у меня было еще много вещей, купленныхъ за безцѣнокъ по дорогѣ у возвращающихся изъ похода. Я подарилъ пану Яцку прекрасное турецкое сѣдло съ серебряными стремянами и со всею сбруею, украшенною бирюзою. Онъ не хотѣлъ брать, но я упросилъ его на колѣняхъ. Я замѣтилъ, что ему очень поправилась одна сабля, но такъ какъ не годится дарить другу острые вещи, то я уговорилъ его заплатить мнѣ одинъ талеръ и онъ взялъ саблю, такъ какъ она очень подходила къ сѣдлу. Когда же я досталъ свои кошельки, брилліантовый поясъ и разныя драгоценности, Яцекъ началъ благодарить Бога.

— Только не давай никому этихъ денегъ, — сказалъ онъ; — надо купить землю. Вулька мала, а шляхтичъ долженъ далеко пустить корни, чтобы хорошенько укрѣпиться. Есть у насъ въ околоткѣ Рыжавка, которая продается послѣ вдовы Рыжавскаго; ея внуки не хотятъ тамъ жить, потому что у нихъ есть въ другомъ мѣстѣ большія имѣнія. Купимъ Рыжавку.

— Я ничего не имѣю противъ этого, купимъ Рыжавку... Но къ чему все это, если у меня отнимутъ невѣсту?

— Поѣдемъ къ Опольской, — сказалъ панъ Яцекъ, — къ ней нужно съѣздить на поклонъ. Старушка она умная и тебя любить. Всякій разъ, какъ я у нея былъ, она меня спрашивала! «А что же нашъ Мрочекъ? Есть у васъ какія-нибудь вѣсти? Не останется ли онъ калѣкою?»

Мы рѣшили ѣхать къ ней въ полдень въ тотъ же день. Я хотѣлъ также привести ей подарокъ съ войны, но было трудно выбрать. Брилліантовый поясъ, какъ оказалось, стоитъ любой деревни; я бы не могъ его дать, да и она бы не хотѣла принять. Мы выбрали каменные четки прекрасной работы, которыя я нашелъ въ своемъ шатрѣ. Можетъ быть, кто нибудь найдетъ страннымъ, что у турокъ встрѣчается то же, что употребляютъ во время молитвы одни только христіане; но вѣрно то, что почти у каждаго изъ нихъ есть такія четки. Не знаю, молятся ли они съ ними Магомету или онѣ служатъ имъ для другихъ цѣлей.

Закусивъ дома, чѣмъ Богъ послалъ, мы сѣли въ возокъ пана Яцка, такъ какъ мнѣ было еще трудно садиться на ло-

шадь, и поѣхали къ старушкѣ. Большая была радость, когда меня увидали. Когда доложили о нашемъ приѣздѣ, пани Опольская сидѣла въ своемъ кабинетѣ, занятая письмами; она сейчасъ же вышла въ залъ. Увидя меня съ костылемъ и съ палкою, она чуть не заплакала, усадила меня и велѣла все о себѣ рассказывать. Этихъ рассказовъ хватило до вечера. Мы дошли до спасенія Нальнча, до его общаній и нашего путешествія до Люблина. Скрывать было нечего. Она тоже думала, что меня продали, но совѣтовала терпѣливо ждать возвращенія Елены изъ Вильны и согласоваться съ ея рѣшеніемъ. Она сказала намъ, что хорунжаго съ женою еще не было, но ихъ уже ждали и рѣшено было раздѣлить имущество, какъ только они приѣдутъ. Первый планъ братьевъ — выдать панну Елену за Стадницкаго — кончился ничѣмъ, такъ какъ онъ женился, на Оссолинской. Теперь, какъ оказалось, они имѣли въ виду какого-то Коссаковского, который хотѣлъ отказаться отъ приданого, а въ залогъ записать имѣнье. Онъ сулилъ братьямъ золотыя горы, такъ какъ былъ старый женолюбецъ и ему хотѣлось имѣть молодую жену, хотя ему было уже болѣе шестидесяти лѣтъ и онъ вдовѣлъ два раза, не имѣя дѣтей. Братьямъ было очень на руку взять деньги за приданое, особенно въ виду того, что они сильно порастратились.

— Терпѣніе и твердость, — говорила пани Опольская: — остальное въ рукѣ Бога.

Она очень обрадовалась, когда мы ей рассказали о томъ, какъ благословилъ меня Богъ во время этого похода, и то, что я могъ купить Рыжавку, а можетъ быть, и еще что нибудь.

На другой день я поѣхалъ къ ксендзу, помня, какъ онъ хорошо меня принялъ, когда я приѣхалъ послѣ смерти дяди безъ гроша денегъ. Старикъ тоже заставилъ меня рассказывать и это длилось безъ конца.

Панъ Яцекъ, не теряя времени, поѣхалъ самъ къ Рыжавскимъ, но вернулся ни съ чѣмъ, такъ какъ они заломили страшную цѣну и хотѣли еще годъ владѣть деревнею. Черезъ нѣсколько дней приѣхалъ ко мнѣ младшій Рыжавскій и заговорилъ со мною самъ. Я сказалъ ему, что не дамъ больше того, что общалъ, и сейчасъ же хочу вступить во владѣніе. Съ этимъ онъ уѣхалъ. Но дня черезъ два приѣзжаетъ ко мнѣ

панъ Яцекъ и обнимаетъ меня, поздравляя съ покупкою, Рыжавки, Плеокъ и Суровина (все это принадлежало къ одному).

Я смотрѣлъ на него, ничего не понимая.

— Доставай деньги и вели принести вина, чтобы всприснуть нашу покупку, — сказалъ Яцекъ: — безъ этого нельзя. Сюда ѣдутъ Рыжавскіе съ нотаріусомъ. Черезъ часъ они будутъ здѣсь и дѣло будетъ кончено.

— А когда я вступлю во владѣніе? — спросилъ я.

— Въ день св. Войцеха, иначе было нельзя.

Мы обнялись. Въ тотъ же день мы заплатили деньги и подписали контрактъ.

Такъ-то, при помощи Божіей, основался я не въ маленькой Вулькѣ, а въ настоящемъ дворянскомъ имѣніи изъ четырехъ деревень и, не знаю уже, къ добру или къ худу, сталъ близкимъ сосѣдомъ Налынчей, такъ какъ наши поля соприкасались. Я зналъ уже, что хорунжій пріѣхалъ домой со своею гречанкою и что братья приняли его довольно сносно, хотя и воротили посылы отъ невѣстки. Со мною онъ не входилъ ни въ какія сношенія, а я молчалъ, такъ какъ мнѣ не слѣдовало навязываться.

Вездѣ разнесся слухъ, что я купилъ Рыжавку; всѣ меня поздравляли. Покупка была недурная, но имѣніе, которымъ управляла или сама старушка, или ея приказчики и фавориты, было до того запущено и истощено, что напомнило мнѣ прежнюю Вульку. Когда я осмотрѣлъ его, мнѣ стало просто нехорошо, но я подумалъ, какъ всегда, что сдѣланное людьми можно поправить. Я сейчасъ же послалъ отъ себя управителемъ Гавронскаго, желая, чтобы у меня не испортили остальныхъ заборовъ и крышъ.

Всѣ меня поздравляли. Въ домѣ ксендза я встрѣтился со всѣми Налынчами, кромѣ хорунжаго, которому нездоровилось. Они тоже меня поздравляли, но смотрѣли на меня косо.

Между тѣмъ, мнѣ сказали, что и король вернулся въ Яврово изъ своего труднаго похода. Нога моя настолько поправилась, что я могъ ходить съ одною палкою; а Елена не возвращалась. Я рѣшился съѣздить на поклонъ къ королю. Сказано, сдѣлано. Зима была въ тотъ годъ хорошая и санный путь отличный, поставивъ возокъ на полозья, я двинулся въ путь, поручивъ хозяйство пану Яцку. Въ дорогѣ со мною ни-

чего не случилось, кромѣ того, что, по милости Гжеся, который слишкомъ крѣпко спалъ, у меня украли ночью очень красивый турецкій чепракъ.

Въ Яворовѣ я встрѣтилъ столько друзей и знакомыхъ, что сердце радовалось и мои грустные мысли нѣсколько разсѣялись. На другой день утромъ я пошелъ къ королю, который уже зналъ о моемъ приѣздѣ, и, какъ только я пришелъ, онъ положилъ мнѣ руки на плечи и сказалъ:

— Ну, что, Мрочекъ, всёмъ намъ досталось подъ Вѣною? Вѣдь если бы не то, что мы спасали крестъ Господень, пришлось бы жалѣть, что мы такъ спѣшили помогать нѣмцамъ. Эхъ, сударь мой! Ты раненъ, я весь въ рубцахъ, а столько достойныхъ людей сложили свои головы. А потомъ вѣдь отъ насъ бѣжали, какъ отъ враговъ, и помогали туркамъ насъ бить. Ну, да что объ этомъ говорить? Все это дѣлалось во имя христіанства. Какъ ты поживаешь?

Я началъ рассказывать о своихъ невзгодахъ. Король отошелъ къ столу и началъ рыться въ бумагахъ.

— Хотя это и пустяки, — сказалъ онъ, подавая мнѣ бумагу:—а все будетъ тебѣ память. Конечно, ты этимъ хлѣбомъ не объѣшься, а все-таки кусокъ получить тебѣ слѣдовало.

Я не понималъ, въ чемъ дѣло. Король улыбался и трепалъ меня по плечу.

— Ты не думалъ и не просилъ, а я о тебѣ не забылъ. Было у меня одно имѣнье на Бугѣ, я и подумалъ: посажу я туда старостю Мрочка, онъ будетъ ловить ужей и посылать мнѣ ихъ въ постъ.

Я благодарилъ его почти со слезами.

— Ну, довольно, довольно!—отбивался король—А что же твоя богиня? Что Налынци? А?

Все ему было извѣстно. Онъ былъ уже пожилой и не любилъ разныхъ любовныхъ приключеній, а такъ какъ онъ самъ продолжалъ любить королеву такъ же, какъ на другой день послѣ свадьбы, то ему очень нравилось въ другихъ постоянство въ любви. Для него не могло быть ничего пріятнѣе, какъ видѣть, что кто нибудь искренно и серьезно привязался къ женщинѣ. Я рассказалъ ему все, какъ было, и то, что Налынци не хотятъ и слышать обо мнѣ.

— Поѣзжай-ка домой,—сказалъ онъ:—и сиди смирно. Я поговорю съ Коссаковскимъ и онъ не будетъ стоять у тебя на дорогѣ, а хорунжему я надеру уши.

Я прожилъ въ Яворовѣ нѣсколько дней и, конечно, долженъ былъ вспрыснуть свой новый титулъ. Владѣніе было, въ самомъ дѣлѣ, не Богъ знаетъ какое: песокъ и болото, но все-таки на что нибудь оно годилось и было знакомъ милости короля, а это—самое главное. Возвращаясь, я нарочно свернулъ съ дороги на Варшаву и въ Мазурію, чтобы повидаться съ дальними родственниками, которыхъ я зналъ только по наслышкѣ. Они были мнѣ очень рады и я долженъ былъ ѣздить съ ними три недѣли изъ дома въ домъ, пить и веселиться, хотя мнѣ очень хотѣлось домой. Они всячески уговаривали меня жениться у нихъ. Мнѣ сейчасъ же, не говоря ни слова, прискакали невѣсту, панну Теклу Зажинскую, которая была единственною дочерью и должна была получить въ наслѣдство отъ отца два прекрасныхъ имѣнія. Она была очень милая дѣвушка, видная, молодая, рѣшительная, я былъ ей не противень; но я сейчасъ же объявилъ имъ, что я обрученъ и до гробовой доски не измѣню своей Еленѣ. Они на меня за это не сердились, но очень жалѣли, что ихъ планъ не удался, такъ какъ и старый Зажинскій былъ за него, а ему очень хотѣлось имѣть зятя, чтобы было кому поручить хозяйство. Мрочекъ и другіе родные проводили меня милъ за шесть по дорогѣ и мы пріятно провели еще дня три въ знакомой усадьбѣ. Потомъ я отправился прямо домой, такъ какъ давно не имѣлъ оттуда вѣстей и начиналъ уже беспокоиться.

Я заѣхалъ, прежде всего, къ пану Яцку. Здѣсь, въ мое отсутствіе, случилась большая бѣда. Разгоряченный послѣ ужина, онъ, въ сильный морозъ, вышелъ на крыльцо провожать гостей и его разбило параличемъ. Онъ лежалъ въ постели, съ трудомъ говорилъ и у него отнялась одна рука и нога. Я отослалъ повозку домой, а самъ остался при немъ, такъ какъ нужно было за нимъ ухаживать. Я сейчасъ же увидалъ по лицу старика, что ему было очень плохо. Тутъ была его невѣстка и племянникъ, которые окружили его всевозможными заботами, но все было напрасно.

Цирюльникъ давалъ ему разныя лѣкарства, но я думаю,

что онъ только повредилъ ему сильными средствами: у него сдѣлался ударъ и онъ не дожилъ до слѣдующаго дня. Я оплакалъ и похоронилъ его, какъ родного отца.

Со слезами я вернулся домой, гдѣ мнѣ показалось такъ пусто, какъ никогда. Я сейчасъ же поѣхалъ къ Опольской, которая дала мнѣ знать, что ей нужно со мною говорить. Я пріѣхалъ къ ней очень печальный, такъ какъ еще не могъ забыть дорогого друга, котораго только что потерялъ. Старушка замѣтила это и заставила меня рассказывать обо всемъ: о Рыжавкѣ, о Яворовѣ, о новомъ имѣньи на Бугѣ и т. д. Когда она поздравила меня, я сказалъ ей:

— Ахъ, я съ радостью отдалъ бы все это, только бы Богъ далъ мнѣ то, чего жаждетъ мое сердце.

— Вѣдь не сразу строился Краковъ,—сказала она:—пождитѣ, можетъ быть, и это придетъ.

Мы сидѣли за столомъ и уже кончали обѣдать, когда намъ сказали, что пріѣхалъ хорунжій съ женою. Съ того времени, какъ мы разстались въ Люблинѣ, мы съ нимъ совсѣмъ не видались, развѣ только издали въ церкви. Его обѣщанія пошли прахомъ, а наша дружба какъ будто никогда и не существовала. Мнѣ было неприятно, что мы встрѣтились, но уходить было неловко; я долженъ былъ остаться, тѣмъ болѣе, что Опольская взглянула на меня и улыбнулась. Мы вышли съ нею въ залу.

Мы встрѣтились хорошо. Гречанка весело подошла ко мнѣ, а когда я цѣловалъ ея руку, она сказала мою, какъ бы давая понять, что она не забыла о нашемъ дѣлѣ. Черезъ нѣсколько времени хорунжій подошелъ ко мнѣ и отвелъ меня къ окну.

— Братъ,—сказалъ онъ, обвиняя меня,—прости и забудь. Я сдѣлалъ все, что могъ, чтобы убѣдить этихъ безумцевъ, но съ ними ничего нельзя сдѣлать. Они имѣютъ многое противъ тебя, между прочимъ, и то, что ты спасъ мнѣ жизнь, такъ какъ и я у нихъ въ немилости. Надо дѣйствовать иначе.

Я взглянулъ ему въ глаза.

— Елена ѣдетъ сюда,—сказалъ онъ:—за нею послали ѣдетъ Бѣсъ съ нашими людьми. Черезъ нѣсколько дней они вернутся и если она пріѣдетъ сюда, они на нее нападутъ и готовы будутъ выдать ее силою за Коссаковского, лишь бы не давать приданаго.

— Если все дѣло въ приданомъ, а она соглашается, — сказалъ я: — то я также не держусь за него.

— Не въ томъ дѣло, — сказалъ хорунжій: — особенно для меня. Пусть будетъ у каждаго то, что ему слѣдуетъ, я чужого не хочу, но съ братьями трудно справиться. Я могу дать тебѣ только одинъ совѣтъ: поѣзжай со своими. Вы встрѣтите по дорогѣ кавакальду. Надо отбить сестру, найти ксендза и обвиняться, а остальное я устрою. Но, — прибавилъ онъ: — ради Бога, меня въ это не вмѣшивайте... Пусть я, какъ будто, ничего и не знаю.

Я задумался. Мнѣ совсѣмъ не нравилось то, что я долженъ похищать себѣ жену, какъ разбойникъ на большой дорогѣ. Я отвѣчалъ ему, что это не согласно съ честью имени и дома, а также и моего; но онъ сейчасъ же сталъ приводить мнѣ подобные случаи: какъ Мнишекъ похитилъ свою невѣсту изъ монастыря, когда ея родные не позволяли ему на ней жениться; какъ такой-то и такой-то доставалъ себѣ жену посредствомъ оружія и ничего въ этомъ не было дурного. Наконецъ, онъ сказалъ:

— Все готово для этого; насколько я понялъ, даже Елена и такая разсудительная особа, какъ пани Опольская, согласны на это потому, что другого способа нѣтъ. Это бунтъ не противъ родительской власти, а противъ притѣсненія несправедливой семьи, которая можетъ быть причиною несчастья сестры. Нужно сейчасъ же ѣхать, все приготовить, засѣсть на дорогѣ и взять съ собой хорошихъ рубахъ, такъ какъ придется имѣть дѣло съ Бѣсомъ. И еще прибавляю тебѣ: нужно обвиняться сейчасъ же, прежде, чѣмъ братья что нибудь узнаютъ, чтобы все было кончено, прежде, чѣмъ они начнутъ дѣйствовать противъ тебя. Но только я прошу еще разъ: ради Бога! чтобы я ничего не зналъ... Я ничего не хочу знать!..

Онъ сейчасъ же отошелъ отъ окна и завязался другой разговоръ. Гречанка начала хвастаться, что ее выучили по-польски, и, глядя на меня, показывала мнѣ знаками, что она обо всемъ знаетъ. Мнѣ все еще казалось страннымъ, что я долженъ такъ доставать себѣ жену, но что же было дѣлать? Я пересидѣлъ у Опольской ея гостей, а когда они уѣхали, я ей все разсказалъ и просилъ ея совѣта. Старушка посмотрѣла мнѣ въ глаза.

— Это хорошо съ вашей стороны, что вамъ противно всякое насиліе,—сказала она:—но есть такіе случаи, въ которыхъ нужно прибѣгать къ крайнимъ средствамъ, когда дѣло идетъ о будущности дорогой намъ особы. Я думаю, что хорунжій совѣтуетъ единственное средство, которое можетъ вамъ помочь.

Тутъ я увидѣлъ, что иначе не можетъ быть, а разъ рѣшившись на это, мнѣ нечего было ждать. Въ ту же ночь я поѣхалъ къ Зегждѣ. Путь былъ дальній, часъ поздній на дворѣ снѣгъ и метель. Мы едва добрались до усадьбы, а въ воротахъ навалило такую кучу снѣга, что мы не могли въѣхать во дворъ. Я долженъ былъ пробираться пѣшкомъ, на меня напали собаки и чуть не разорвали мнѣ платье; я постучался въ окно. Всѣ въ домѣ всполошились, такъ какъ едва успѣли заснуть и думали, что или воры ломаются, или что нибудь случилось. Зегжда выскочилъ на крыльцо съ саблею и я едва его успокоилъ. Узнавъ меня, онъ началъ смѣяться и мы пошли съ нимъ въ домъ. Онъ сейчасъ же догадался, что у меня важное дѣло. Въ двухъ словахъ я рассказалъ ему, зачѣмъ пріѣхалъ, но съ этимъ милымъ человѣкомъ хорошо было драться, но никакъ не хитрить: на шутики и козни онъ не годился.

Изъ того, что говорилъ мнѣ хорунжій, я видѣлъ, что нельзя терять ни минуты, а разъ рѣшившись на это дѣло, я былъ какъ въ лихорадкѣ и желалъ какъ можно скорѣе все кончить.

Зегжда всталъ съ мѣста и сказалъ мнѣ:

— Милый мой, вотъ тебѣ моя сабля и рука, но устроить я этого не сумѣю, для этого намъ нуженъ Грабовскій. Я велю запречь лошадей и мы поѣдемъ къ нему.

Пока мы говорили, начали стучаться въ дверь; оказалось, что мы разбудили женщину и онѣ испугались, не зная, что случилось. Вошла сама хозяйка въ ночномъ костюмѣ и начала разспрашивать, въ чемъ дѣло. Зегжда началъ страшно врать о какихъ-то волкахъ, поцѣловалъ жену, велѣлъ принести грѣтой наливки, послалъ въ конюшню человѣка съ фонаремъ и, черезъ часъ, мы уже были на дорогѣ. Въ два часа ночи мы были у Грабовскаго, но боялись испугать его старую мать и поѣхали на ферму. Я разбудилъ управляющаго, а такъ какъ

Грабовскій очень заботился о своихъ породистыхъ волахъ и велѣлъ будить себя для нихъ почью, то мы сказали ему, что-бы онъ ничего не говорилъ и привелъ сюда хозяина подѣ предложомъ посмотрѣть на больного вола. Черезъ четверть часа мы услышали, какъ Грабовскій идетъ по снѣгу въ большихъ сапогахъ и ругаетъ управляющаго на всѣ корки за того вола, котораго мы сами сочинили. Когда онъ вошелъ въ комнату и увидалъ насъ съ Зегждою, грѣющихся у огня, онъ просто остолбенѣлъ отъ удивленія. Мы такъ и покатались со смѣху, потому я отвелъ его въ уголъ и началъ объяснять ему наше дѣло.

Но съ Грабовскимъ много разговаривать было нечего, это былъ человѣкъ догадливый и готовый на всякія шутки. Я только намекнулъ ему, а онъ чуть не запрыгалъ отъ радости и началъ меня обнимать и цѣловать.

— Награди тебя Богъ за то, что ты даешь мнѣ такое дѣло; цѣлый годъ у меня не было ни одной исторіи! Уже мнѣ и жить надоѣло!—восклиналъ онъ.

Онъ взялъ на себя всю отвѣтственность, придумалъ, куда нужно было ѣхать, все разсчиталъ, выбралъ.

Мы условились ждть на виленской дорогѣ въ Захожанахъ, гдѣ былъ знакомый ксендзъ и даже, кажется, дальній родственникъ Грабовскаго по матери. Тамъ стояла гостиница, мимо которой Бѣсу непременно приходилось проѣзжать. Мы должны были сидѣть въ гостиницѣ у хозяина и разставить часовыхъ на семь миль по дорогѣ къ Вильнѣ, чтобы они дали намъ знать заранѣе о приѣздѣ Елены. Мы выбрали самыхъ молодыхъ и рѣзвыхъ лошадей, которыхъ нельзя было перегнать. Все дѣло было въ томъ, выѣдетъ ли Елена изъ Вильны утромъ или въ полдень, такъ какъ, по разсчету Грабовскаго, отъ этого зависѣло то, въ какое именно время она будетъ въ Захожанахъ: къ ночи или днемъ.

На другой день мы всѣ были готовы. Наши люди должны были пробраться впередъ по одному и ждть на рынкѣ въ жидовскихъ домахъ, а потомъ сбѣжаться къ намъ по условленному знаку на троекратный крикъ. Часовые пошли по дорогѣ на назначенныя мѣста, мы поѣхали въ гостиницу къ хозяину, а Грабовскій отправился къ ксендзу. Къ счастью, санный путь былъ отличный, снѣгу навалило много, а мы не жалѣли ло-

шадей. На закатъ солнца мы были уже въ Захожанахъ. Прежде всего я послалъ въ гостиницу спросить, не проѣзжали ли наши. Жидъ перечислилъ проѣзжихъ, которые останавливались тамъ за послѣдніе дни, но Елены не назвалъ. Онъ зналъ ея людей и лошадей и, конечно бы, узналъ и запомнилъ ихъ. Мы расположились у хозяина, который былъ самый милый и гостепріимный человѣкъ.

Мы переночевали у него. Грабовскій, придя къ намъ ужинать, шепнулъ мнѣ на ухо:

— Ксендзъ нашъ! Уже все готово къ вѣнцу... Только бы намъ отбить твою панну.

По нашему расчету, они должны были пріѣхать или къ вечеру, или на другой день въ полдень; но, по крайней мѣрѣ, за часъ, наша стража должна была извѣстить насъ объ этомъ. Однако, какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, намъ во всемъ была неудача. У насъ было трое часовыхъ; одинъ напился пьянъ, другой заснулъ, у третьяго заболѣла лошадь. Приближался полдень. Мы спокойно сидѣли въ домѣ хозяина и ни къ чему не были готовы, когда прибѣжалъ къ намъ жидокъ изъ гостиницы и объявилъ, что Елена пріѣхала и, какъ только лошади отдохнутъ и поѣдутъ, они сейчасъ же отправятся дальше. Мы всѣ повскакали съ мѣстъ и совершенно растерялись. Одинъ только Грабовскій сейчасъ же опомнися, привязалъ саблю, разослалъ людей и отправился съ нами въ гостиницу, которая стояла на рыночной площади и примыкала съ двухъ сторонъ къ другимъ жидовскимъ домишкамъ, такъ что въ нее можно было войти только спереди и сзади. Передъ нею стояло двое саней, но лошадки изъ нихъ были выпряжены, а люди разошлись; Елена вошла въ домъ немного погрѣться, а Бѣсъ спросилъ себѣ водки. Видно было, что они не дожидали, чтобы что-нибудь могло случиться среди бѣлаго дня. Увидавъ это, Грабовскій сталъ насъ упранивать:

— Дайте, я пойду одинъ. Когда будетъ нужно, я кликну васъ.

Сердце у меня страшно билось, но я долженъ былъ уступить ему. Потомъ онъ рассказывалъ мнѣ, какъ онъ поступилъ. Онъ вошелъ въ гостиницу черезъ конюшню и прямо прошелъ въ ту комнату, гдѣ была Елена. Бѣсъ смотрѣлъ за тѣмъ, чтобы никто туда не входилъ и потому началъ кричать:

— Кто тамъ? Здѣсь женщины!

— Да вѣдь я ихъ не съѣмъ,—отвѣчалъ Грабовскій и вошелъ; но онъ успѣлъ только сдѣлать Еленѣ знакъ, какъ Бѣсъ сейчасъ же явился. Они были давно знакомы и поздоровались. Бѣсъ все тащилъ его въ другую комнату, прося, чтобы онъ не мѣшалъ отдыхать дамамъ. Съ Еленой была старушка-воспитательница и служанка. Грабовскій, уже увѣренный въ своемъ успѣхѣ, спокойно сѣлъ на лавку и спросилъ стаканъ меду.

— Знаешь, что,—сказалъ онъ Бѣсу:—какой у нихъ тутъ есть старый медъ! Я такого еще нигдѣ не пилъ, хотя пробовалъ и знаменитый ковенскій и любельскіе меды знаю. Что ты пьешь эту скверную водку? Выпилъ бы вотъ этого нектара.

— Оно, пожалуй, что и нектаръ,—сказалъ Бѣсъ:—но послѣ него нападаетъ на человѣка сонъ, а сторожу спать въ дорогѣ опасно.

— Да хотя бы ты и задремалъ,—сказалъ Грабовскій:—здѣсь уже ничего случиться не можетъ; у насъ о разбояхъ не слышно, а вы будете къ вечеру дома. Я вашихъ лошадей знаю, у нихъ такая рысь, что ихъ никто не догонитъ. Но я тебя поздравляю съ тѣмъ, что ты проѣхалъ благополучно виленскую дорогу и лѣса; вотъ тамъ такъ часто бываютъ случаи.

Бѣсъ улыбнулся.

— Я ничего не боюсь,—сказалъ онъ.

— А много у тебя людей?—спросилъ Грабовскій.

— Насъ шестеро, вмѣстѣ со мною. Мы бы съ двѣнадцатью справились.

— А съ тринадцатью?—спросилъ Грабовскій.

— Ну, я бы и тутъ не испугался.

— А съ пятнадцатью?

— Кто знаетъ? Если-бы я сталъ защищаться, я и ихъ бы одолѣлъ.

— А интересно бы было попробовать,—сказалъ Грабовскій, допивая свой медъ:—хочешь, побьемся объ закладъ?

Бѣсъ началъ смѣяться.

— Вѣдь я не шучу,—воскликнулъ Грабовскій:—хочешь или нѣтъ? Побьемся объ закладъ.

— А откуда же ты возьмешь людей?

— Я? Да развѣ ты не знаешь? У меня здѣсь въ любомъ мѣстечкѣ есть на всякій случай свои люди. Никогда нельзя знать, что можетъ случиться съ человѣкомъ. Мнѣ стоитъ только свиснуть и у меня сейчасъ выскочатъ изъ-подъ земли двѣнадцать или тринадцать человѣкъ.—Старикъ продолжалъ смѣяться. Грабовскій медленно всталъ изъ-за стола и началъ на него смотрѣть. У Бѣса была за поясомъ его обычная сабля, которую онъ звалъ «женкою». Эта «женка» была хорошо извѣстна во всемъ околоткѣ, такъ какъ многіе отъ нея пострадали; она славилась тѣмъ, что рубила желѣзо, какъ веревки.

— Какой ты вѣрный мужъ,—сказалъ Грабовскій:—я вижу, что ты безъ «женки» ни на шагъ. Хотѣлъ бы я, чтобы ты показалъ мнѣ ее голенькую, какая она такая. Я слыхалъ объ ней чудеса, а никогда ее не видалъ.

Бѣсъ былъ настолько глупъ, что далъ ему саблю въ руки. Грабовскій пошелъ съ нею къ окну, будто бы осмотрѣть ее, да вдругъ какъ ударить въ окно, такъ стекла и посыпались, потомъ онъ приложилъ руку ко рту и три раза крикнулъ. Бѣсъ подумалъ сначала, что онъ сошелъ съ ума, и бросился къ нему, но потомъ увидалъ, что на рынкѣ поднялась бѣготня, подъ окнами появились люди и, наконецъ, я вбѣжалъ въ сосѣднюю комнату за Еленю. Тутъ только у него открылись глаза и онъ бросился на Грабовскаго; тотъ загородилъ ему путь его собственною саблею, а сзади подскочило двое людей, которые связали ему руки и зажали ротъ.

Между тѣмъ я вошелъ къ Еленѣ, всталъ передъ нею на колѣни и сказалъ:

— Вѣрьте, что я взялся за это дѣло не по своей волѣ. Только по совѣту другихъ рѣшился я добиваться силою того, что я хотѣлъ бы получить съ согласія вашей семьи. Простите и не осуждайте меня.

Увидавъ меня, она сначала испугалась, потомъ начала плакать. Въ эту минуту вошелъ Грабовскій и сказалъ ей:

— Мы достали невѣсту для пана старосты. Я надѣюсь, вы не будете бранить насъ за это. Я буду дружною и сватомъ. Ксендзь ждетъ въ костелѣ. Нельзя терять ни минуты, пойдемте.

Она не могла опомниться отъ удивленія и все еще плакала

и дрожала, но я началъ тихонько рассказывать о согласіи старшаго брата и о совѣтѣ Опольской, а потомъ сталъ цѣловать ея ножки, прося, чтобы она не задерживала больше моего счастья.

Всѣ мы, какъ были, пошли сейчасъ же въ костелъ. Ксендзъ уже ждалъ насъ въ ризницѣ во всемъ облаченіи. Я взялъ кольцо у ювелира, а черезъ полчаса мы были уже обвинчаны и пошли въ домъ священника, разставивши стражу для безопасности. Но это было напрасно, такъ какъ Бѣсъ лежалъ въ комнатѣ связанный, а люди, предоставленные самъ себѣ, и не думали сопротивляться. Теперь дѣло было въ томъ, чтобы братья ничего не узнали слишкомъ скоро; мы должны были, изъ предосторожности, связать и людей.

Такъ-то, несмотря на неисправность часовыхъ, все это кончилось такъ хорошо, то я не зналъ, какъ и благодарить Грабовскаго. Но это было только начало, такъ какъ можно было ожидать, что оскорбленные братья не оставятъ безнаказаннымъ нашего поступка и захотятъ отнять сестру, хотя бы силою, и запереть ее въ монастырь, а со мною начать въ консисторіи процессъ за бунтъ и насилие.

Мнѣ надо было ѣхать съ женою въ Вульку, но тамъ нельзя было бы ни защититься, ни отбить нападенія; у меня не было въ усадьбѣ даже порядочнаго частокола. Къ Рыжавкѣ принадлежалъ Суровинъ, который былъ уже мой, а усадьба въ Суровинѣ стояла на такъ называемомъ старомъ городищѣ; даже деревня называлась прежде Суровское Городище. Мой управитель жилъ въ усадьбѣ, окруженной валомъ, который былъ обведенъ тонкимъ, но довольно крѣпкимъ частоколомъ. По совѣту Грабовскаго, а также и по собственному соображенію, я рѣшилъ, что этотъ островъ есть самое безопасное мѣсто для того, чтобы спрятаться, такъ какъ вокругъ были болота и попасть въ усадьбу можно было только черезъ мостъ. Оставивъ подъ стражею нашей шляхты людей Налынчей, а также сани и лошадей, такъ какъ мы не хотѣли брать ничего, кромѣ вещей Елены, мы сейчасъ же отправились въ Суровинъ. Я послалъ только Гжеся въ Вульку, чтобы онъ сейчасъ же привезъ намъ самую необходимую утварь. Такъ какъ мы ожидали нападенія, то я велѣлъ собрать все оружіе, которое только тамъ было. Насъ сопровождалъ Гра-

бовскій, Зегжда и шесть человекъ изъ шляхты. О томъ, чтобы праздновать свадьбу, нечего было и думать, такъ какъ дѣло шло о моей жизни и о безопасности моей госпожи и подруги. Къ счастью, ночь была тихая и свѣжая, лошади накормлены и мы почти безъ отдыха сдѣлали пять миль по проселочнымъ дорогамъ, а передъ разсвѣтомъ были уже на суровинской гати, гдѣ мы чувствовали себя внѣ всякой опасности.

И большое это было счастье, что мы не поѣхали въ Вульку, а о Суровинѣ никому ничего не сказали, потому что одинъ изъ слугъ Елены, который возвращался съ напоенными лошадьми, когда случилась всяэта исторія, хлеснулъ кнутомъ ту лошадь, на которой сидѣлъ, и остановился только на господскомъ дворѣ, гдѣ и разсказалъ, что панну украли и отвели въ костелъ, всѣхъ людей похватили, а Бѣса убили. Братъ сейчасъ же бросился на поиски, раздѣлившись на два отряда: одинъ, въ пятнадцать коней, поѣхалъ въ мѣстечко, другой, въ двадцать съ лишнимъ—въ Вульку, гдѣ меня не нашли, а только напугали людей.

Пріѣхавъ въ Суровинъ, мы должны были сейчасъ же все обдумать и приготовиться, какъ въ военное время. По дорогѣ разставили мы часовыхъ около засмоленныхъ костровъ, которые мы велѣли зажечь въ случаѣ, если появится что-либо опасное; на гати были караульные, въ деревнѣ тоже, укрѣпили ворота, подпилили мостъ, Грабовскій послалъ къ себѣ за пушкою, которая гдѣ-то у него валялась, ружья были заряжены, люди готовы. Около полудня пріѣхалъ Гжесь съ провизіею, оружіемъ, военными запасами и еще нѣсколькими людьми, а къ вечеру мы были уже настолько спокойны, что могли принять нашихъ гостей и взглянуть на свѣтъ нѣсколько смѣлѣе и веселѣе. Но всѣ мы были на-сторожѣ. Мы проговорили у огня до полуночи. Стоя на колѣняхъ передъ женою, я цѣловалъ у нея руки и просилъ, чтобы она меня не осуждала. Но я никогда не видалъ такой мужественной и твердой женщины, какъ она. Разъ повѣнчавшись, она не выказала ни малѣйшаго страха или сомнѣнія.

— Если насъ захотятъ убить, то мы умремъ вмѣстѣ, — говорила она мнѣ.

Всѣ мы были страшно утомлены, а потому въ полночь каждый изъ насъ задремалъ въ своемъ углу, не мѣняя положенія.

Огонь погасъ. На разсвѣтъ я почувствовалъ, что кто-то меня будить и шепчетъ мнѣ что-то на ухо. Я открылъ глаза: около меня стоялъ Гжесъ и говорилъ мнѣ: «Вставайте».

Я вышелъ на цыпочкахъ въ первую комнату и мнѣ не нужно было объяснять, затѣмъ меня разбудили: я увидалъ въ окно, что горятъ два костра. Я разбудилъ Грабовскаго и Зегжду, мы тихонько вышли изъ дому и въ полчаса все было готово. Я послалъ Гжеся на развѣдки въ деревню на жеребенкѣ и запретилъ ему ѣхать по дорогѣ, чтобы не слышно было лошадинаго топота. Мы поставили людей у частокола и стали ждать... Все было тихо. Вотъ загорѣлся третій костеръ, вотъ четвертый; наконецъ, послышался стукъ на мосту: вернулся мой караульный. Я полетѣлъ къ нему навстрѣчу.

— Что слышно?

— Около ста людей со всѣхъ сторонъ окружають Суровинъ, — сказалъ онъ.

Мы притаились за заборомъ. Я велѣлъ даже потушить свѣтъ въ домѣ и только разбудилъ жену, чтобы ее какъ-нибудь не испугали выстрѣлы. Она сейчасъ же встала на колѣни и начала молиться, а я пошелъ къ людямъ. Становилось свѣтлѣе. Я увидалъ, что по гати ѣдетъ кучка людей. Я послалъ на подпленный мостъ и велѣлъ тихонько вынуть доски. Мы обвернули свои соломой, засмолили и велѣли одному изъ людей поджечь ихъ, когда мы дадимъ ему знакъ. Но наши враги были осторожны и сначала только осматривали позицію.

Мы ожидали нападенія, но, очевидно, что, посоветовавшись между собою, они рѣшили иначе, такъ какъ они медленно отступили за гать, собрались тамъ всѣ вмѣстѣ и остановились. Было уже несколько свѣтло, что мы могли видѣть всѣ ихъ движенія; но намъ было трудно понять, что они предпринимали, убѣдившись, что не застали насъ врасплохъ. Какъ я уже сказалъ, усадьба въ Суровинѣ была окружена валомъ и частоколомъ и почти со всѣхъ сторонъ подходили къ ней болота и маленькая гнилая рѣченка, которая никогда хорошенько не замерзала. Мы боялись нападенія только со стороны гати и моста, такъ какъ сзади мѣсто было открытое и очень неудобное для нападенія. Хорошо зная мѣстность, можно было пробраться, рискуя при этомъ

провалиться иногда до колѣнъ, а иногда и по поясъ. Никому изъ насъ не пришло въ голову, чтобы то, что насъ защищало, могло сдѣлаться для насъ опаснымъ. Увидѣвъ, что насъ нельзя взять безъ кровавой борьбы, господа Налынчи сообразили, что можно насъ обложить и принудить къ сдачѣ голодомъ. У насъ, дѣйствительно, былъ небольшой запасъ провизіи, а людей много, такъ какъ мы никакъ не могли ожидать, что придется долго держаться; сначала намъ это и въ голову не приходило.

Грабовскій, который никогда не терялъ присутствія духа, особенно когда онъ былъ въ дѣлѣ, думалъ, что они чего-то ждутъ, и со смѣхомъ говорилъ, что они послали за артиллерією. Онъ называлъ Налынча Кара-Мустафою и сравнивалъ нашу осаду съ дѣломъ подъ Вѣною. Пришелъ день. Мы поставили у воротъ стражу и пошли немного закусить и отдохнуть. Въ эту минуту Лея позвала меня въ отдѣльную комнату и шепнула мнѣ на ухо:

— Скажи мнѣ, что дѣлать, если это будетъ продолжаться? У насъ въ погребѣ запасовъ всего на три дня и нѣтъ ни муки, ни хлѣба.

Я былъ пораженъ и увидалъ, что это дѣло вовсе не шуточное. Они, вѣроятно, рассчитывали взять насъ голодомъ въ одну недѣлю. Не безпокая другихъ, я отвелъ въ сторону Грабовскаго и рассказалъ ему, какъ стояли наши дѣла. Онъ задумался.

— Глупая исторія, — сказалъ мнѣ Грабовскій, — а что-нибудь придумать надо.

Мы стали рассчитывать, сколько было насъ, сколько ихъ и нельзя ли сдѣлать ночную вылазку, помѣстивъ Елену въ середину, но это было опасно. Дѣло было плохо, но мы все-таки ѣли и завтракъ, и обѣдъ, никому ничего не говоря и не жалѣя хлѣба и мяса. Для слѣдующаго дня у насъ было немного ветчины, солонины, колбасы, яицъ и крупы, но на четвертый день наша команда была бы голодна, такъ какъ всѣ, какъ на зло, ѣли какъ никогда, а отказать желающимъ было бы нехорошо. Вся моя надежда была на Грабовскаго, который ходилъ, прищелкивалъ пальцами, все что-то придумывалъ и не терялъ бодрости.

Наши помощники начали падать духомъ отъ ожиданія и скуки. Они готовы были драться во всякую минуту, но бездѣйствіе

было не для нихъ. Я сейчасъ же замѣтилъ, что нѣкоторые были бы рады уйти. Ночью одинъ шляхтичъ перелѣзъ черезъ частоколъ и тайкомъ улизнулъ черезъ гать, думая, что ему удастся незамѣтно пробраться. Въ полночь поднялся за гатью крикъ и началась тревога. Мы всѣ вскочили на ноги. Видимъ, что нѣтъ Быковского, и догадались, въ чемъ дѣло. Мы стали ждать, что будетъ. Прошло около часу времени и Быковский вернулся, стыдясь своего дезертирства. Мы ждали его у воротъ и открыли ему дверь.

— Ахъ ты такой, сякой! не стыдно это тебѣ? — напалъ на него Грабовскій.

— Выслушайте меня, — отвѣтилъ шляхтичъ: — идти напроломъ съ саблею я готовъ, но сидѣть взаперти, какъ въ тюрьмѣ, да еще, какъ это скоро будетъ, впроголодь, я не могу и многіе изъ нашихъ не могутъ. Дома больная жена, хозяйство, бѣдность; я здѣсь не выдержу. Видите ли, господа, тѣ меня отпустили и знаете — съ чѣмъ? Съ тѣмъ, чтобы я сказалъ вамъ, что они не уйдутъ отсюда до тѣхъ поръ, пока не возьмутъ госпожу и зачинщика, хотя бы имъ пришлось сидѣть полгода.

Грабовскій началъ смѣяться, но намъ было не до смѣха. Онъ взялъ меня за руку и шепнулъ мнѣ:

— Будь спокоенъ, я съ этимъ справлюсь.

Онъ вынулъ изъ кармана талеръ, далъ его Быковскому и сказалъ ему:

— Иди къ нимъ и попроси ко мнѣ сюда на мостъ, для бесѣды, одного изъ этихъ господъ.

Шляхтичъ почесалъ въ затылкѣ, но волею-неволею долженъ былъ отправиться. Ночь была довольно свѣтлая. Черезъ полчаса мы увидали, что онъ идетъ назадъ, а за нимъ ѣдетъ всадникъ. Грабовскій поспѣшилъ на мостъ. Старшій изъ Налынчей выѣхалъ къ нему и между ними начался слѣдующій разговоръ:

— Чего вы хотите и зачѣмъ нападаете на домъ честнаго шляхтича?

— Мы осаждаемъ не домъ шляхтича, а разбойничье гнѣздо. У насъ обманомъ похитили сестру, совершили насиліе и бунтъ. У насъ есть только одинъ способъ: ломить силу силою.

— Не такъ стоитъ дѣло, какъ вы говорите, — сказалъ мой посолъ: — ваша сестра совершеннолѣтняя и добровольно отдала

свою руку передъ алтаремъ равному ей шляхтичу. Насиліе съ вашей стороны и притѣсненія ваши ужасны. Если справедливость на вашей сторонѣ, то идите въ судъ, тамъ разберутъ ваше дѣло.

— Вотъ мой судья,—отвѣтилъ Налынчъ,—ударяя по саблѣ:—я другого не знаю, а со всякою голью таскаться по судамъ не намѣренъ.

— А я вамъ скажу,—прибавилъ Грабовскій,—что вы насъ не возьмете. А если случится несчастье и прольется чья-нибудь кровь,—пусть все падетъ на васъ.

— Пусть падаетъ на меня,—сказалъ Налынчъ,—это мнѣ все равно, а позволять надъ собою насмѣшки мы не допустимъ.

— Мы также,—сказалъ Грабовскій.

— Сидите въ этой мышиной норѣ, если хотите,—началъ тотъ,—а я заморю васъ голодомъ и заставлю отсюда выйти.

— Давайте говорить по людски. Что вамъ отъ этого будетъ? Всѣ васъ осудятъ и осмѣютъ, имя свое вы обезчестите. Ваша сестра вышла замужъ. Ксендзъ вѣнчалъ ее при свидѣтеляхъ; отъ мужа вы ее не оторвете. Она велѣла сказать вамъ, что скорѣе умереть, чѣмъ измѣнить ему.

— Вамъ нечего меня учить, что мнѣ дѣлать и какія мои обязанности къ моему роду,—сказалъ Налынчъ.—Дѣлайте свое, мы тоже свое.

— Что вамъ нужно? Попробуемъ кончить по дворянски.

— Вы начали по разбойничьи, а теперь испугались и хотите кончить переговорами,—насмѣхался Налынчъ.—Выдайте намъ сестру и того господина; мы его немножко проучимъ и все будетъ кончено.

Грабовскій закипѣлъ гнѣвомъ, но сдержался и воскликнулъ только:

— Отправляйтесь туда, откуда пришли! Мы увидимъ, чья шкура крѣпче.

И они разѣхались въ сильнѣйшемъ гнѣвѣ.

Вернувшись, Грабовскій обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

— Ты хорошо знаешь это болото?

— Не очень,—сказалъ я,—я здѣсь новый помѣщикъ.

— Дай мнѣ проводника, я долженъ отсюда выбраться, чтобы привести вамъ людей на помощь.

Въ усадьбѣ былъ мальчикъ подростокъ. Грабовскій смекнулъ,

что онъ, вѣроятно, часто лазить по болотамъ за птичьими яйцами, и велѣлъ ему провести себя окольными путями. Я не смѣлъ его отговаривать, хотя безъ него мнѣ не доставало правой руки. Мальчикъ согласился идти съ нимъ въ болото и незамѣтно и безопасно провести его тростниками въ шляхетскую слободу.

Разъ онъ рѣшился на это, его уже невозможно было удерживать. Онъ надѣлъ крестьянское платье, тулупъ и шапку, воткнулъ за поясъ, подъ сермягу, два пистолета въ чехлахъ и вышелъ задами вмѣстѣ съ мальчикомъ. На прощанье онъ пожалъ мнѣ руку и сказалъ:

— Давай имъ ѣсть, сколько влѣзетъ; ты услышишь обо мнѣ прежде, чѣмъ придетъ завтрашній день. Они умны, да и Грабовскій не глупъ.

Я смотрѣлъ съ вала, какъ они шли; они проваливались три раза, но не глубоко, потомъ вошли въ тростники и пропали.

Начало свѣтать. Мы были на своихъ постахъ, они тоже. Мостъ я велѣлъ совсѣмъ разобрать и, по совѣту Грабовскаго, завтракъ у насъ былъ обильный и мы не пожалѣли водки. Проходили часы за часами въ ожиданіи помощи, прошелъ полдень, стало уже смеркаться. Приготовили ужинъ для нашихъ людей и для ихъ удовольствія выкатили имъ полбочки квашеныхъ огурцовъ къ водкѣ. Вдругъ бѣжить ко мнѣ Зегжда и кричить:

— За гатью что-то случилось, тамъ топотъ, крикъ. Я, кажется, слышалъ даже два выстрѣла.

Другіе говорили, что это гуляетъ въ деревнѣ шляхта. Все опять затихло. Гдѣ-то какъ будто стукнули ворота, опять слышался выстрѣлъ. Мы все замолчали и стали прислушиваться. Иногда раздавался довольно сильный шумъ, время отъ времени крикъ, потомъ опять отдаленный гулъ и... тишина.

— Навѣрно, они бьютъ мужиковъ, такъ какъ тѣ не захотѣли ихъ слушаться, — сказалъ одинъ старый шляхтичъ.

Въ эту минуту на западной сторонѣ, надъ прудомъ, гдѣ шла дорога, показался всадникъ, за нимъ другой, потомъ еще два; все они такъ сгибались на сѣдлахъ, что совсѣмъ лежали на спинахъ своихъ лошадей. За ними показался еще одинъ и опять нѣсколько. Отъ послѣднихъ что-то блеснуло, они выстрѣлили, ясно слышался гулъ... Значить, что-то было, но кто выигралъ, неизвѣстно. Мы уже вышли за ворота и стали тамъ ждать.

Прошло полчаса, а можетъ быть больше. Намъ надобно смотрѣть понапрасну; въ деревнѣ все было тихо.

— Неизвѣстно, что тамъ случилось, — сказалъ я Зегждѣ, — пойдемъ въ домъ погрѣться.

Въ эту минуту приближалъ ко мнѣ шляхтичъ.

— Смотрите! смотрите!

Мы посмотрѣли на гать. Богъ знаетъ, что тамъ такое! Понять трудно. Отъ корчмы двигался къ намъ по гати цѣлый рядъ огней, похожихъ на погребальные; должно быть, это были за-смоленные лучины. Мы стояли, смотрѣли и не понимали, что это: враги или помощь? Когда они подошли къ мосту, я услышалъ голосъ. Грабовскій кричалъ въ кулакъ о переправѣ. Мы все, сколько насъ было, побѣжали къ нему. Подойдя подъ мостъ, я увидалъ, что это была настоящая комедія. Грабовскій сидѣлъ на огромной бочкѣ; а бочка была на телѣгѣ, запряженной парой воловъ; дальше другая, третья и четвертая телѣги, а около нихъ цѣлая толпа шляхты съ факелами, съ мушкетами, нѣкоторые съ окороками на палкахъ, другіе съ колбасами на шеѣ, третьи съ двумя булками подъ мышкою и все поютъ хоромъ какую-то военную пѣсню, должно быть — пьяные. Когда я разсмотрѣлъ ихъ хорошенько, я увидалъ, что у Грабовскаго была подвязана голова, у другого рука, третій тащится съ палкою и хромаетъ.

Мы наскоро навели мостъ. Я бросился къ Грабовскому, чтобы обнять его, а онъ кричитъ мнѣ издалека:

— Наша взяла! Ястребцы побѣдили! Налынчи обвязываютъ другъ другу раны!

— Что случилось? — спросилъ я.

— Сейчасъ разскажу. Прежде всего проведемъ защитниковъ въ вашъ замокъ и угостимъ ихъ, а потомъ поговоримъ.

Тогда они въѣхали въ усадьбу съ пѣснями, съ выстрѣлами, съ весельемъ, какъ побѣдителя, даже Лея выбѣжала на крыльцо посмотрѣть на эту удивительную процессію съ колбасами. Нeskоро поймалъ я Грабовскаго.

— Говори, отецъ и благодѣтель, какъ это было?

Вотъ что я узналъ отъ него.

Мальчикъ провелъ его въ шляхетскую слободу промокшаго по поясъ. Здѣсь онъ былъ уже какъ у себя дома, велѣлъ созвать шляхту, влѣзъ на бочку и грянулъ рѣчь о равенствѣ

шляхты, о перевѣсѣ магнатовъ, о необходимости взаимной помощи. Шляхта собралась, готовая идти на помощь. Послали за другими людьми въ ближайшія деревни и, въ то же время, собирали припасы. Грабовскій велѣлъ привезти изъ своего имѣнья бочку меду и два боченка водки. Когда все было готово, онъ оставилъ назади телѣги съ припасами и въ сумерки отправился въ Суровинъ со своимъ отрядомъ. Налынчи совѣмъ не ожидали нападенія и по большей части спали или лежали въ хатахъ, когда шляхта бросилась на нихъ съ криками и въ одну минуту ихъ разсѣяли.

Выслушавши этотъ рапортъ, я обнялъ друга, а онъ сказалъ мнѣ.

— На этотъ разъ мы съ ними покончили, но, по правдѣ сказать, все вѣдь по старому. Налынчи при своемъ, мы при своемъ, и такъ это будетъ длиться, Богъ знаетъ, сколько времени. Надо что нибудь придумать.

— Не можетъ быть, — сказалъ я: — есть друзья, которые ихъ образумятъ. Люди все узнаютъ, а старшій братъ обѣщалъ мнѣ помочь. Опольская тоже употребитъ свое вліяніе.

Оставивъ при себѣ немного свѣжихъ людей, мы снова разставили стражу. Усталыхъ мы отправили домой. Ночью мы немного отдохнули, будучи увѣрены, что они не могутъ очень скоро собрать новыя силы. Подъ утро мы съ Грабовскимъ вышли на гать осмотрѣться. Я увидалъ тамъ челоуѣка. Это былъ чужой. Онъ посмотрѣлъ на меня и, доставъ изъ-за пазухи письмо подаль его мнѣ. Это былъ посланный отъ Опольской, а письмо отъ ея капеллана; онъ писалъ, что Налынчи, потерпѣвъ пораженіе, еще больше возстановились противъ насъ, что одинъ изъ нихъ былъ легко раненъ; что они грозятся, хотя бы цѣною всеобщей гибели, схватить и зарѣзать меня, а сестру запереть въ монастырь; что у нихъ начались большія приготовленія и чтобы мы были осторожны. Онъ прибавлялъ также, что пани Опольская написала къ краковскому кастеляну Потockому, прося дать объ этомъ знать королю, и подняла всѣхъ своихъ друзей, чтобы помирить насъ. Намъ онъ совѣтовалъ быть терпѣливыми.

— Ничего больше не придумаешь, — сказалъ Грабовскій: — какъ собрать на помощь шляхтѣ людей изъ всѣхъ нашихъ де-

ревень съ косами, топорами и цѣпами и ждать нападенія, пока все не уладится.

Такъ какъ дороги были свободны, я сейчасъ же послалъ Гжеся къ Вулку и велѣлъ пригнать пару воловъ на убой и собрать людей.

Три дня прошли спокойно. Налынчи не появлялись. На третій день Зегжда поѣхалъ на развѣдки; былъ онъ человѣкъ неразговорчивый, но умный, и привезъ извѣстie, что Налынчи очень смягчились, что на нихъ дѣйствуютъ различныя влiянія и что теперь все дѣло было въ томъ, чтобы я отказался отъ приданого.

— Если это правда, я поѣду къ Опольской, — сказалъ я: — и кончу все дѣло въ двухъ словахъ.

Но когда я пошелъ къ Еленѣ, она ужасно расплакалась и прямо сказала.

— Пусть ѣдетъ кто хочетъ, а я тебя не пушу. Если случится какое нибудь несчастье, меня замучить совѣсть.

Я разсказалъ объ этомъ Грабовскому.

— Она права, — сказалъ онъ: — я поѣду, возьму съ собою свои испанскiе пистолеты и не побоюсь съ ними ѣхать даже къ самимъ Налынчамъ въ гости.

Мы уговорили его ѣхать только къ Опольской.

Прошло еще два дня въ полной неизвѣстности. Наконецъ, сказали мнѣ, что онъ возвращается, и я выбѣжалъ къ нему на самую гать. Смотрю, лицо у него кислое.

— Ну, что, другъ? — спросилъ я.

— Ничего, — сказалъ онъ: — я ушелъ ни съ чѣмъ. Они не хотятъ говорить. Опольская совѣтуетъ вамъ собрать людей и ѣхать въ Варшаву; въ столицѣ и на глазахъ короля вамъ нечего опасаться.

Это было для меня очень неудобно. Хозяйство разстроено; мнѣ нужно было принимать новое имѣнье, дѣлать затраты, составлять инвентарь, — работы масса, а тутъ поѣзжай въ противоположный конецъ края и сиди со сложенными руками. Но другого средства мы не знали. Леля также была за него. Мы начали готовиться въ путь и дѣлали всѣ приготовленiя въ величайшемъ секретѣ. Несмотря на это, насъ должны были сопровождать до половины дороги двадцать человѣкъ отборной стражи, а до самой Варшавы — Грабовскiй, Зегжда и восемь самыхъ

опытныхъ и испытанныхъ людей. Какъ нарочно, погода вдругъ испортилась; нельзя было ѣхать ни на санихъ, ни на колесахъ. Сдѣлалась оттепель, дождь, снѣгъ, мокрота, метель и страшныя лужи. Просто страшно было выйти на улицу! Леля объявила, что она поѣдетъ верхомъ и такъ начала просить, что я долженъ былъ ей позволить. Я далъ подъ нее Пилада, потому что зналъ, какой это конь, и самъ долженъ былъ ѣхать рядомъ съ нею. Ничего никому не говоря, мы вышли вечеромъ изъ усадьбы, сѣли на лошадей и пустились въ путь съ нашею шляхтою, рассчитывая быть къ ночи въ Славатычахъ.

Кажется, ни одна живая душа не знала, кто мы такіе. Леля, желая замаскироваться, одѣлась даже въ мужское платье и походила на пятнадцатилѣтняго мальчика...

Все шло, какъ нельзя лучше, почти до самого вечера. Какъ только начало смеркаться, а увидалъ въ рощѣ подъ городомъ какого-то всадника, который выѣхалъ на дорогу и вдругъ исчезъ. Меня передернуло и я рассказалъ объ этомъ Грабовскому. Онъ началъ смѣяться и говорить, что мнѣ почудилось. Однако, и онъ, и я приготовили свои сабли и осмотрѣли пистолеты. Мы проѣхали немного дальше и я услышалъ сзади лошадиный топотъ, а впереди увидалъ толпу людей. Я наклонился на сѣдлѣ и поцѣловалъ Лелю въ лобъ, потомъ сжалъ ее руку, всѣ окружили ее со всѣхъ сторонъ и остановились. Вдругъ я услышалъ голосъ.

— Сдавайтесь сейчасъ же! а не то ни одинъ изъ васъ не уйдетъ отсюда живымъ!

Грабовскій началъ смѣяться. Насъ было всѣхъ двѣнадцать человѣкъ, а ихъ человѣкъ десять съ одной стороны и столько же съ другой; они подошли къ намъ обманомъ спереди и сзади. По обѣимъ сторонамъ дороги былъ густой лѣсъ и кусты. Я не знаю какъ случилось, что мы сейчасъ же встали у самыхъ кустовъ, засловили собою Лелю и обернулись лицомъ къ обоимъ отрядамъ. Бѣжать было бы и трудно, и унижительно. Грабовскій хотѣлъ уговорить меня и Лелю, чтобы мы ушли въ лѣсъ въ то время, какъ они будутъ расправляться съ нападающими, но мы съ нею отказались.

Прошло нѣсколько мгновеній и они наскочили на насъ съ саблями. Я не знаю хорошенько, что было дальше. Во мракѣ

началась такая яростная сѣча, что просто искры посыпались съ сабель. Я помню только то, что не желѣлъ своихъ силъ, и, несмотря на большую численность, они насъ не одолѣли. Мы были защищены сзади непроходимой чащею и поставили лошадей полукругомъ такъ, что къ нимъ трудно было подойти. Каждый разъ, какъ они на насъ налетали, мы ихъ такъ принимали, что они должны были отступать. Грабовскій сейчасъ же полоснулъ по лицу Налынча, я перерубилъ Бѣсу шашку и задѣлъ немного кожу на его лысинѣ; другіе тоже не лѣнились, Крикъ, шумъ! Вдругъ я услышалъ выстрѣлъ и сейчасъ же послѣ него — стонъ. Я узналъ голосъ Лели и побоялся обернуться, но пришелъ въ страшное бѣшенство. Я бросился впередъ и, ничего уже не видя, принялся рубить, какъ безумный, не зная какъ и кого. Произошло замѣшательство. Одинъ изъ нашихъ упалъ съ лошади, съ ихъ стороны нѣкоторые бѣжали, двое людей свалились на землю. Нападающіе сейчасъ же дрогнули соскочили съ лошадей и давай Богъ ноги. Не успѣли мы оглянуться, какъ они уже исчезли, а гнаться за ними не было никакой нужды.

Тогда только я обернулся къ Еленѣ и, увидя ее на конѣ, какъ мнѣ казалось, живою и здоровою, я началъ благодарить Бога. Но когда я подѣхалъ къ ней въ темнотѣ, я увидалъ на ней кровь.

— Что это? — крикнулъ я.

— Ничего, ничего, — сказала она: — это меня вѣтка оцарапала.

Но это была не вѣтка, а шальная пуля брата, которая задѣла ее прекрасное плечо; хорошо, что она только скользнула, не пройдя въ тѣло и не задѣвъ кости. Я сейчасъ же бросился перевязывать ее плечо. Она перенесла все мужественно, улыбаясь какъ воинъ, а у меня текли слезы. Я сталъ искать Грабовскаго; онъ сидѣлъ подъ деревомъ и ему подвязывали губы. Онъ былъ сильно раненъ. Меня тоже раза два задѣли, но это были пустыя царапины. У насъ было еще нѣсколько раненыхъ, но не опасно. Когда миновала тревога, мы осмотрѣлись и услышали, что кто-то стонетъ за кустомъ съ другой стороны. Мы пошли туда: тамъ лежалъ страшно раненный одинъ изъ шляхты, бывшей съ Налынчами, котораго звали Буракъ. Я не далъ его

въ обиду, хотя его и слѣдовало бы побить за участіе въ скверномъ дѣлѣ, но его и такъ Богъ наказалъ: лицо у него было такъ изрублено, что съ одной стороны кожа висѣла и были видны челюсть и зубы. Я велѣлъ перевязать его рану, но отъ него ничего нельзя было добиться, такъ какъ онъ совсѣмъ не могъ говорить, только все плевалъ кровью, плакалъ и стоналъ. Несмотря на все, я свезъ бы его на одной изъ лошадей въ ближайшую корчму, но у насъ было слишкомъ много поклажи. Несчастный потащился пѣшкомъ.

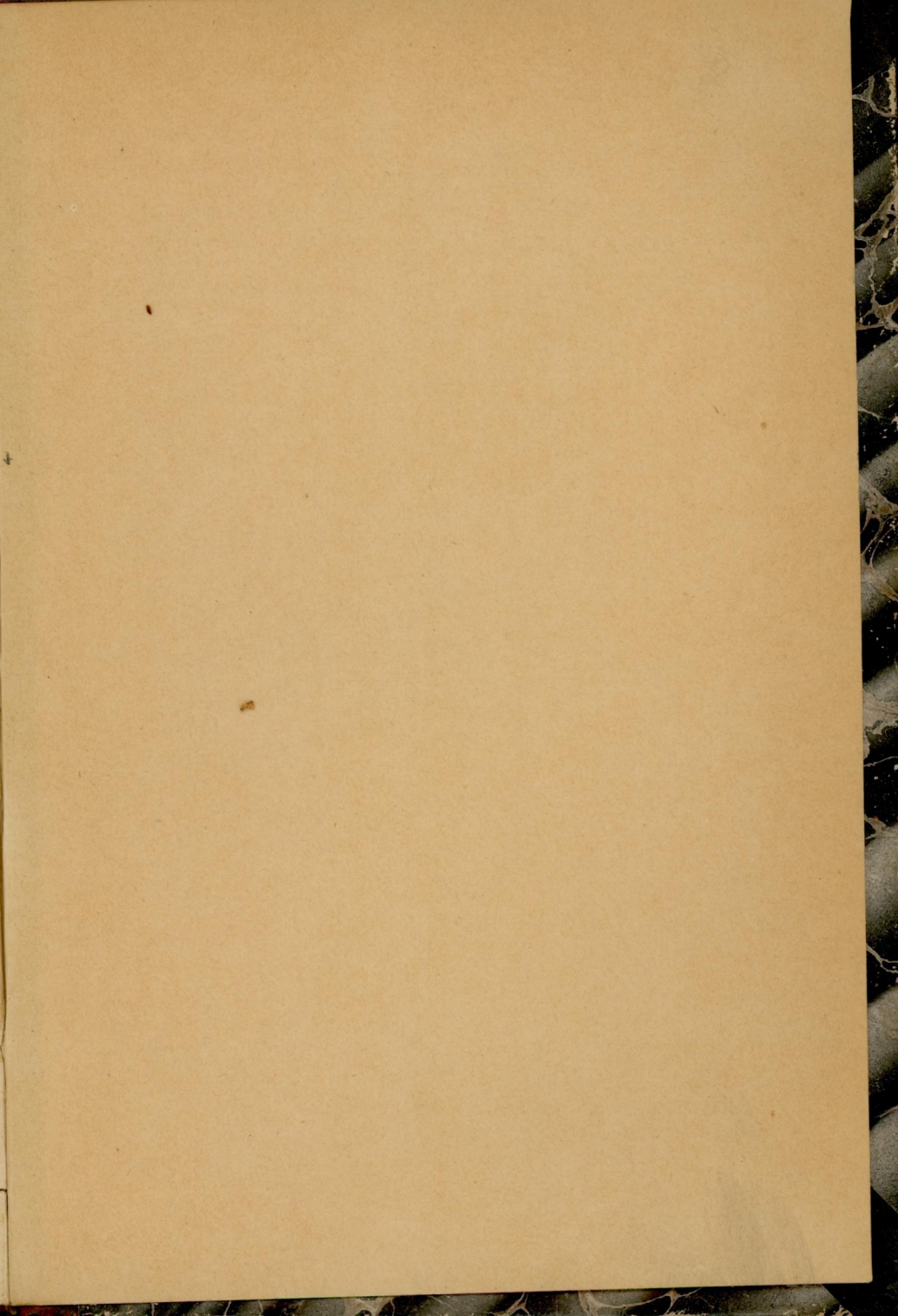
Послѣ этой непріятной встрѣчи мы поспѣшили въ городъ, главнымъ образомъ для Лели, которая очень устала, несмотря на все свое мужество.

Мы отдыхали весь слѣдующій день, а потомъ поѣхали дальше и пріѣхали въ Варшаву, гдѣ я чувствовалъ себя внѣ всякой опасности. Начался нашъ процессъ. Налынчи были противъ меня, я противъ нихъ, но на моей сторонѣ былъ и король, и дворъ, и дипломатія, такъ какъ я потерпѣлъ обиду и притѣсненія. Но эта могло бы тянуться цѣлый вѣкъ и состояніе жены не миновало бы рукъ братьевъ, если бы насъ, наконецъ, не заставили помириться.

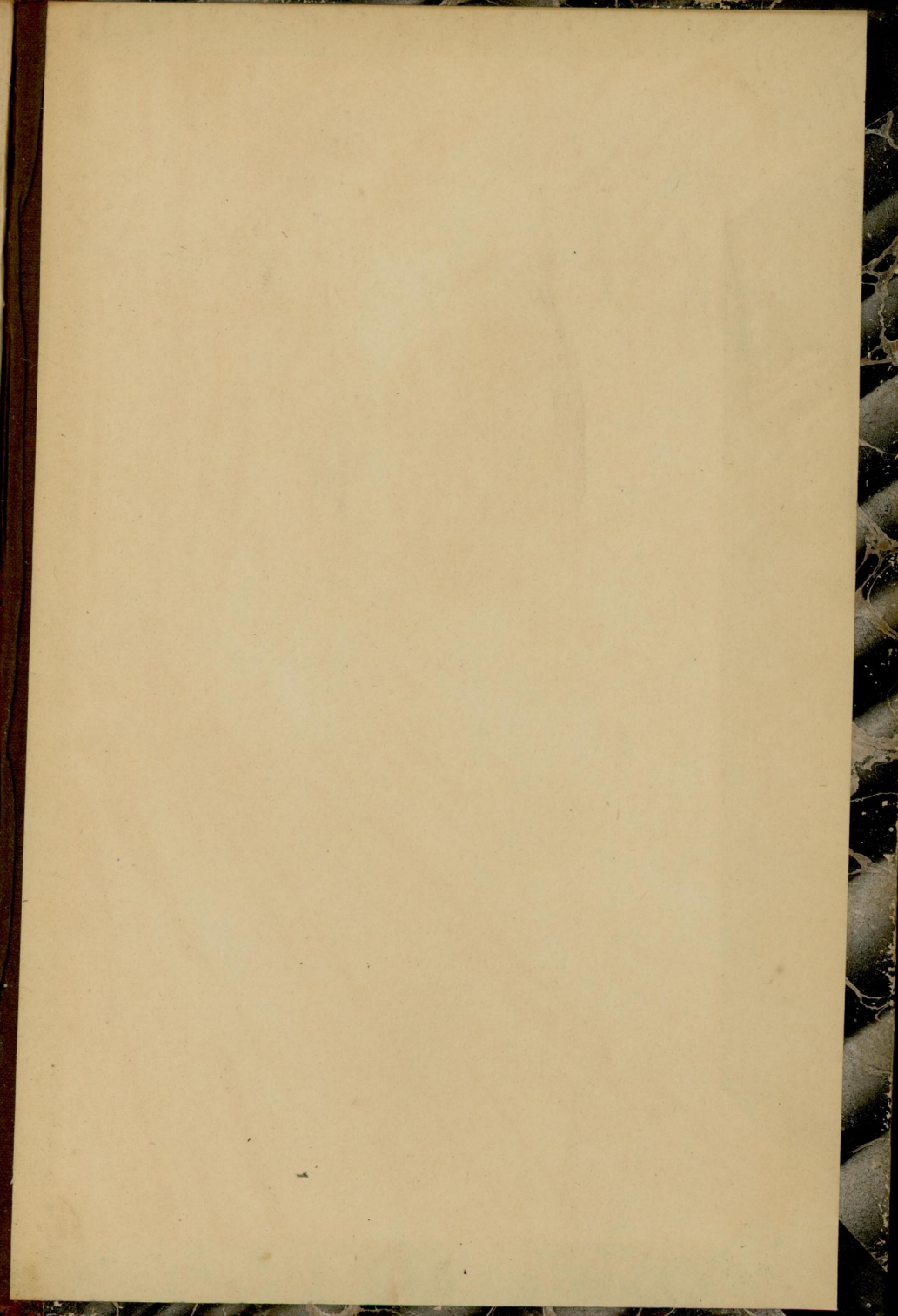
Насъ сблизили общіе друзья, мы подписали мировую и отказались отъ всякихъ претензій. Я долженъ былъ только отступить отъ приданого, зачтя его въ судебные издержки. Послѣ этого мы немедленно уѣхали изъ Варшавы домой, чтобы торжественно отпраздновать свадьбу и помириться съ семьею. Въ Вулькѣ намъ было тѣсно, въ имѣніи жены еще былъ арендаторъ, тогда я велѣлъ немного прибрать домъ въ Рыжавкѣ и мы поѣхали прямо туда.

Спустя нѣсколько дней мы отправились къ братьямъ. Я не могу пожаловаться, чтобы меня дурно или сухо приняли.

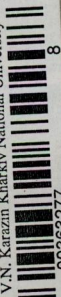
Я попросилъ ихъ къ себѣ, хорошенько снабдивъ свой погребъ, чтобы не показаться шляхтѣ менѣе щедрымъ, чѣмъ эти сенаторскіе сынки, и сдѣлавъ такой пріемъ, что до сихъ поръ еще въ Полѣсѣ ходять объ этомъ рассказы.

ЦЕНТРАЛЬНА
= НАУКОВО-УЧЕБНА =
БІБЛІОТЕКА.

V.N. Karazin Kharkiv National University

00363277

8